

ИГОРЬ СОКОЛОВ

МОЁ
ВОЛШЕБАНОЕ
ЧУДОВИЩЕ

Игорь Павлович Соколов

Мое волшебное чудовище. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10415966

ISBN 9785447410674

Аннотация

Роман «Мое волшебное чудовище» – приключенческий и одновременно юмористический и эротический роман. По своему содержанию и размаху его можно смело назвать «Декамероном» 21 века. Однако, в отличие от «Декамерона», роман написан более глубоко и тепло, и помимо любви в романе большое место уделяется человеческой дружбе.

Содержание

Глава 1. Пьяный Леллямер, женщины и	5
Глава 2. Бес стыда или	12
Глава 3. Ульяна: Рассказ о потерянной девственности или Как я сам избежал этой потери	19
Глава 4. Баня. Леллямер, дед, Бог и устройство Вселенной	29
Глава 5. Пьяная женщина или Осыпав голову пеплом	36
Глава 6. Откровения безумной бизнес-леди	44
Глава 7. ...Почему я не набил морду Леллямеру или Рассказ Ивана Матвеевича о своем подвиге	54
Глава 8. Охота на кабанов	67
Глава 9. В объятьях	75
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Мое волшебное чудовище

Роман

Игорь Павлович Соколов

© Игорь Павлович Соколов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пьяный Леллямер, женщины и отсутствие любви

Как будто не я сейчас, а кто-то другой вместо меня сидит в комнате общежития со своим странным другом Леллямером. Наши уставшие за день глаза быстро меркнут как мысли ни о чем. Однако, кажется, Леллямер нашел в чем забыться, его дрожащие руки опять держат зеленую бутылку с водкой, а в водке я давно уже вижу как плавает неосуществимая мечта Леллямера о женщине.

Может поэтому он и пьет против всякого смысла, и вновь пропадает в своей неосуществимой мечте. Я тревожно вглядываюсь и вижу вдруг, что его уже нет, одна лишь тень от лампы падает на расплывающийся в моих глазах конспект по метафизике и снова напоминает мне о несчастном существовании и невидимых мирах.

И вот здесь, в темноте, совсем рядом, из бескрайней ночи происходит вдруг она... Волшебная и прекрасная женщина, женщина – Фея из сказки...

Я вижу ее в окне и понимаю, что вся она соткана из воздуха. Стекла тотчас исчезают вместе со стенами, а сильные ветра вместе с ее ласковыми и чудными прикосновениями поднимают меня на необозримую высоту горящего снами про-

странства. И я не иду, а плыву, лечу к ней, к моей Волшебнице, но она тут же исчезает. И я опускаюсь в глухое таинство ночи и на моем языке с моими страстными чувствами; вдруг снова возникает она. Живая и отчаянная птица, и чуть касаясь, летит вся в меня...

Моя Любовь отдаст Тебе Бессмертие, – неистово шепчет ее раскрытая душа.

Ты понимаешь, – шепчу я ей сквозь слезы, – мне, кажется, что я недостоин тебя, хотя разве люди могут быть достойны своих богов?! Но я, пусть и юный, пусть я смешной и жалкий, я все же люблю тебя!

Тихий шелест за окном уносит мои слова, но я все же ощущаю свою волшебницу, ее голова опущена на мои ладони и мне явственно слышно ее спящее дыхание. Она дышит как плывет, и спит как видит, она – сказка из моего детства, она, та самая кукла, которую я любил держать в своих руках и ласкать как ребенка, она мечта, а поэтому досягаема лишь во сне или в этом пьяном бреду.

Я тоже глотнул из бутылки Леллямера, и теперь, когда он исчез из моих глаз, рухнув под стол, я сидел за этим облезлым столом, и пытался снова увидеть или хотя бы вообразить ту самую таинственную женщину, свою еще не обретенную любовь.

По коридору чуть слышно крадется пьяная Матильда, отдающаяся всем подряд за деньги. Иногда мне кажется, что это вовсе не Матильда, а ее призрак тихо крадется за невиди-

мым счастьем! Целый день к ней ходят любовники, а ночами она пропадает у своего бывшего мужа и приползает только под утро.

Иногда я прикладываю ухо к нашему облезлому столу и слышу самую настоящую загробную тишину. Сейчас Волшебница так странно молчит в моем окне, что я со страхом думаю, что я не пьян, а просто схожу с ума. Вдали шумит поезд. Скоро загорится на горизонте рассвет, но сейчас все еще ночь и кто-то ходит один по мерцающему небу и может быть как я, вызывает духов.

Их тягучие, похожие на стон голоса, складываются в звездную бесконечность, из которой их заунывный мотив снова проваливается в меня. Я курю, и молча складываю из окурков силуэты, а в голове моей складываются какие-то странные стихи:

Кто ты, выходящий без числа
Впивающийся черными глазами,
В мир, где раздвигает тени мгла,
И зажигает мир предсмертными словами.

Опять это Волшебница, близкая и далекая, неведомая как сама ночь. Ночь стонет о Боге, а я о своей волшебнице, и в чем разница, если глаза мои только в Волшебнице, а на небе сплошная мгла. И Волшебница, и мгла быстро растворяются, а мне остается только пустая истомленная моими сумеречными вздохами комната, да сладко спящий в обним-

ку с пустой бутылкой Леллямер.

Приглушенный туманом свет быстро опускается на мое незащищенное тело, и только в этот миг я вдруг осознаю, что моя Фея словно ангел, растворилась за окном, вместе с бледной тенью моего грустного воображения.

И я как помешанный, начинаю бормотать только что прошедшие в голову стихи:

Невидимкой в блеске дня
Ты стоишь передо мною
Взгляд под странной пеленою
В черный мрак ведет меня.

Лемлямер неожиданно с криком просыпается словно ему приснился какой-то кошмар, и жалобно поскуливая, смотрит на меня, даже не пытаясь подняться с пола и отделить от своих рук пустую бутылку. Он даже не знает, что здесь ночью была моя Волшебница, что она останавливала часы и принадлежала мне целую Вечность.

Я схожу с ума от мыслей и нетерпеливо приподнимаю с пола постанывающего Леллямера.

Его рыжий ежик на голове невозможно никак расчесать, и поэтому он ворчливо моет голову прямо из-под крана.

Что-нибудь случилось?! – спрашиваю его я, как-то бессознательно оглядывая заваленный мусором угол нашей общей кухни.

О, – восклицает Леллямер и хватается сырыми руками

за мои холодные вздрагивающие пальцы, – это невозможно передать никакими словами – одни бабы, и все абсолютно голые! И такие хорошенькие!

И ты с ними?! – усмехаюсь я.

Ну конечно, скромник ты наш! – лукаво смеется Леллямер.

Потом мы убегаем на учебу, и забываемся на лекциях сладким сном. Едва дотронувшись рукой до лба, мы прикрываем закрытые глаза и голос профессора Цикенбаума уже звучит в наших ушах как нежная колыбельная.

Вот так бы спать и не просыпаться, – шепчет умиротворенный плавной речью профессора Леллямер.

Да уж, – блаженно вздыхаю я, не отнимая руку ото лба, и не раскрывая глаза.

Как приятно осуществить даже самое обыкновенное свое желание!

Ближе к вечеру Леллямер зовет меня в общежитие к ткачихам, но я отказываюсь. Он упорно твердит мне, что уже пора становиться мужчиной, и что, мол, ткачихи бабы безотказные, но я все равно упрямо не соглашаюсь. Наконец, он назвал меня недоразвитым членом всех существующих на свете Академий и был таков. Увидел я Леллямера только рано утром.

По природе женщины больше других животных склонны к разврату, – заговорил со смехом пьяный Леллямер...

Мне не надо было рассказывать, что он только что вернул-

ся из общежития текстильного комбината, которое считается у нас в городе чем-то вроде бесплатного борделя.

Я думаю, что все-таки нельзя обобщать, – морщусь я от обычного цинизма Леллямера.

Нет, но право же женщины существуют только для того, чтобы наслаждаться ими, – смеется Леллямер и заставляет меня еще больше покраснеть.

Ну а что тут дурного, – заметил Леллямер негодование на моем лице, – разве они не должны подчиняться велению, то есть голосу самой Природы и отдаваться нам?!

И много у тебя было женщин? – полюбопытствовал я.

А как ты думаешь? – хитро улыбнулся он.

Вообще-то мне хотелось бы думать, что одна, – вздохнул я.

Эх, ты, мой целомудренник, – громко засмеялся Леллямер, – как только я поднимаюсь по пожарной лестнице на третий этаж, так меня сразу же в прямом смысле слова насилуют пятьдесят, как минимум, пятьдесят женщин...

Как же ты жив-то еще?! – удивился я.

Понимаешь, – задумался Леллямер, – настоящий мужчина может удовлетвориться сразу только двумя или тремя женщинами, остальные же женщины только могут использовать его тело, поскольку половые органы могут длительно оставаться возбужденными, но, как я уже заметил, без моего чувственного восприятия...

То есть, ты хочешь сказать, что остальных ты не чувству-

ешь, хотя они тебя используют? – спросил я.

Слушай, ну что ты ко мне пристал, – вдруг возмутился Леллямер, – вот если хочешь, чтобы тебя изнасиловали, возьми да сходи в это чертово общежитие, в это дьявольское пекло...

Но если тебе все так противно, то почему тогда ты туда ходишь? – удивился я.

Потому что они мне дают выпить, – неожиданно признался Леллямер и лег в постель...

Вскоре он, как всегда, захрапел, а я глубоко задумался, меня мучила возможность совокупляться просто так и со множеством равнодушных мне женщин...

И еще меня мучило отсутствие любви... Как и сам факт отсутствия любимой женщины, хотя моя драгоценная Фея все равно продолжала оставаться в моих невидимых мечтах...

Глава 2. Бес стыда или Парадоксы Леллямера

Ты мне изрядно нравишься, – усмехнулся Леллямер, глядя на пышнотелую даму в норковом манто. Дама тут же сдвинула брови, но все-таки промолчала.

В ней сразу было видно породистую женщину! На такую просто так не сядешь и не поедешь! Но подвыпивший Леллямер был почти невменяем... Он смело сгреб даму в охапку и крепко поцеловал ее в сочные губы. Кругом ходили люди, но на них никто не обращал внимания, очевидно предполагая, что Леллямер муж этой дамы. Дама конечно, изрядно опешила, и после недолгих раздумий закричала... Возможно, от волнения она немного перестаралась, и вместо крика вышло одно только шипение...

Леллямер сразу же опомнился и протрезвел... Его немного прошиб пот, и он от какого-то непонятного страха перед дамой встал на колени.

Прости, дорогая, – всхлипывал он, слюнявя подол ее шубы...

Это уж чересчур... – завопила она.

Но я же прошу тебя, черт побери, – закричал в ответ еще более перепуганный Леллямер.

Вот тебе, сволочь, вот! – раскричалась от нервного пере-

утомления дама, ударяя своей миниатюрной сумочкой Леллямера по его рыжей голове.

Тут к ним совсем незаметно подошел милиционер и потребовал от них тишины. Дама радостно расплакалась и попросила забрать пьяного хулигана, то есть Леллямера, с собой... Однако милиционер, только что видевший всю сцену, не поверил ей, что Леллямер не ее муж. Уж слишком грубо и просто на «ты» называла Леллямера дама. Опомнившийся Леллямер стал бить себя кулаком в грудь и кричать, что он уже сто лет как муж этой дамы. Философски настроенный милиционер соорудил им обоим необычную гримасу и оставил их вдвоем наедине. Напуганная дама поспешила убежать, но опять ударивший в голову Леллямера хмель заставил его снова обнять даму и даже громко расплакаться от только что пережитого потрясения.

В это время появился муж этой почтенной дамы, тоже очень солидно одетый, и широко шагающий, высоко поднимая голову. От неожиданности дама испуганно его окликнула и заморгала глазами... Леллямер тоже замолчал, чувствуя что-то неладное, забыв, однако, совсем освободить даму от своих безумных объятий...

Потрясенный муж молчал, широко открыв рот, показывая указательным пальцем на притихшего Леллямера... Эта немая сцена больше всего не понравилась самому Леллямеру, и поэтому он легко вздохнул, как-то беззаботно прищелкнул языком, и отпустив даму, тут же кинулся обнимать

мужа.

Здорово, родственник, – прокричал он ему на ухо и тут же все так же нелепо и крепко поцеловал его в сочные губы.

Кто это? – наконец промолвил муж.

Родственник, – машинально помолвила дама, морщась от огорчения.

У тебя что, зуб болит? – спросил ее муж.

Ну конечно, – засмеялся Леллямер, продолжая обнимать мужа.

Может, вы все-таки оставите меня в покое? – вежливо прошептал ее муж.

Да ради бога, – захохотал Леллямер и опять обнял при- молкшую даму.

Нет, это просто нахальство, пользоваться родственными связями, – ничего не соображая, пробормотал муж.

Это не родственник, – глухо произнесла дама, вытирая платочком льющийся пот со лба.

А кто же он? – уже с тихим ужасом посмотрел муж на Леллямера.

Это просто пьяница, пьяница, который пристал ко мне здесь, на улице, – судорожно прохрипела дама.

Нет, я ее родственник, – уткнулся носом в плечо ее мужа Леллямер...

Может, ты все-таки объяснишь! – закричал муж на даму.

А катитесь вы все в жопу! – крикнула плачущая дама и ушла дальше по улице.

И тут Леллямеру стало так нестерпимо стыдно от всей этой ненужной болтовни и каши заваренной им, и он тоже заплакал, и попытался обнять мужа, и все ему сразу объяснить, но муж ударил Леллямера кулаком меж глаз и кинулся догонять даму.

Когда Леллямер рассказал эту историю, в очередной раз вернувшись в общежитие поздно вечером и в изрядном подпитии, я ему не поверил, правда, минуту спустя, более внимательно приглядевшись к большому синяку под правым глазом, все же поверил, с весомой долей сомнения. Было в нем что-то парадоксальное, необъяснимое, как и само происхождение. Наполовину немец, наполовину еврей, он вместе с тем являл безумно русский характер.

Обучавшийся уже на последнем курсе, и освобожденный для написания дипломной работы, он мог пить сколько угодно, и сколько угодно иметь женщин. Вскоре он стал приводить к нам в общежитие женщин и самое ужасное, он насколько не стеснялся меня, а видя мой легко проступающий на лице стыд, он вводил меня во все большее смущение.

Он мог иногда, исподтишка поглядывая на меня, вдруг обратиться к своей тоже пьяной женщине, с такими стихами:

Ты для него как святая Мадонна!

Он твоего не испытывал лона!

Обычно женщина смеялась, я же жутко краснел, тихо сидя у себя в углу на кровати с каким-нибудь увесистым томиком Канта.

В такие минуты я словно прикрывался серьезным и не знавшим никаких женщин философом, я зарывался головой в его антиномии, и вдруг обнаруживал в этих противоречивых существах сходные половые признаки, и тут же опять сгорел от стыда, находясь в полуобморочном состоянии.

Так было и в этот раз – Леллямер опять привел женщину, смеясь надо мной как над невинным младенцем и все больше распаяя своим дьявольским смехом пьяную женщину.

Иногда кажется, что люди нарочно сходят с ума, чтобы им было легче совершать свои подлые желания и поступки...

Может поэтому, меня трясет озноб, когда Леллямер сбрасывает с себя ботинки, и, вздыхая, ложиться на женщину, которая уже разоблачилась и целиком раскинулась на его злощастной постели... Я в это время отворачиваюсь к стене, и внимательно прислушиваюсь, определяя с помощью звуков все происходящее...

Со скрипом каждой пружины в матрасе Леллямера, мое сознание становится все более ясным и точным, и моя голова уже как компьютер соединяет в уме одни части тела Леллямера с другими частями женщины, которую он привел сегодня поздно вечером...

Получается так, что я решаю задачу с одной неизвестной мне женщиной и давно известным мне Леллямером, при этом не знаю, как поступить: то ли мне взять и уйти из комнаты, то ли дальше притворяться спящим и таким образом

совершать грех вместе с ним...

Наконец измучившись от постоянного скрипа пружин и равномерного животного повизгивания, я решительно надеваю куртку с брюками и выхожу на улицу... Ночной дождь вроде успокаивает меня, хотя на улице совершенно невозможно где-нибудь прилечь и заснуть, поэтому мне приходится со вздохом возвращаться обратно...

В темноте я вижу смутные очертания Леллямера, шумно и порывисто дышащего над стонущей женщиной... Их сумасшедшие желания продолжают воплощаться в сумбурную реальность и волновать мое больное воображение...

Я опять ложусь на кровать и отворачиваюсь к стене... Мои руки сжаты в кулаки, а глаза раскрыты куда-то в беспредельную темноту... Голос женщины продолжает входить в мои ушные раковины, как тело Леллямера в ее душу.

Вот он, Бес Стыда и Соблазна, Бес Тайной Муки и Кошмарного Подглядывания за одинокими и грешными людьми... Конечно, я понимаю, что скоро они уснут и затихнут, что все в них очень быстро успокоится, но все же я с бешенством вскакиваю с постели без брюк и куртки и с диким криком выбегаю на улицу... По щекам хлещет дождь, а в голове одна глухая пауза, а на коже неожиданные мурашки, как в момент всякого божественного песнопения...

Вообще-то я знаю, что ангелы меня не посетят, что никакого чуда не произойдет, даже если всю ночь буду бегать голым по лужам, но все-таки продолжаю бегать по безлюдным

улицам, чувствуя нарастающую радость Великого Откровения...

P. S. Только через земные страдания в нас могут просыпаться истины, которые мы потом несем в себе до конца пробужденными, то есть рожденными от всякого Зла...

Глава 3. Ульяна: Рассказ о потерянной девственности или Как я сам избежал этой потери

Бутылка водки, чистый лист бумаги с ручкой, пачка сигарет, Библия в черном переплете и Леллямер, сидящий рядом со мной, с грустными и неподвижными глазами как у луна-тика.

Какая-то юная студентка врывается к нам в комнату и кричит на Леллямера, чтобы он вернул ей деньги.

А разве я с тобой не спал?! – спрашивает ее равнодушным голосом Леллямер.

Студентка на какой-то миг затихает от удивления и тут же бьет Леллямера по голове удачно схваченной со стола Библией.

Леллямер с укором вглядывается в ее блестящие из-под очков зрачки, потом быстро валится на пол, оставаясь лежать в непринужденной позе, широко раздвинув ноги.

Ну, ладно, Леллямерчик, – успокаивается студентка, – ты вечером ко мне придешь?!

Подумаю, – совершенно безразличным тоном отвечает ей Леллямер, продолжая лежать на полу, положив под голову

правую руку.

Ну и скотина же ты, Леллямер, – обижено вздыхает женщина и уходит, а мы опять остаемся вдвоем.

Леллямер с наслаждением потягивается на полу и быстро засыпает. Я в полном одиночестве допиваю водку и закуриваю, стряхивая пепел на спящего Леллямера.

Завтра повторится все снова. Только не будет ни меня, ни Леллямера. Я медленно натачиваю нож, все больше убеждаясь в собственной правоте. Впрочем, эти мысли проходят как наваждение, я засыпаю и просыпаюсь. Я иду по улицам, как инопланетянин. Все необычным образом вызывает во мне страх и удивление с любопытством.

Город как женщина очаровывает меня игрой света и гармонией мимолетных радостей, которых жаждут все живые существа.

Я читаю книги, я дарю цветы девушкам, я танцую с ними и даже целуюсь под лестницей в подъезде с одной своей сокурсницей.

Я даже вслух выражаю желание переспать с какой-нибудь зрелой женщиной и лукаво пересмеиваюсь с Леллямером, который все еще продолжает смеяться над моей не утраченной девственностью. И тут Леллямер неожиданно предлагает сходить в общежитие к знакомым ткачихам.

Чтоб они на нас скопом набросились?! – спрашиваю я, вспоминая былые похождения Леллямера.

Ну, нет, это не такие, – успокаивает меня Леллямер. – Мы

их вызовем из общежития и пойдем гулять в парк, а там у реки, когда стемнеет, вы найдете себе какое-нибудь укромное местечко.

Да, неужели все так просто, – удивляюсь я.

Проще не бывает, – смеется Леллямер, но мне почему-то становится тоскливо и грустно.

И все же я иду за Леллямером как пес на привязи. Я даже не могу точно сказать, почему я за ним так покорно иду, может потому что мне почему-то по ночам стали сниться молоденькие девочки, причем в самых интимных обстоятельствах, из-за которых я во сне весь вздрагиваю как молодой жеребец и ощущаю что-то вроде собственного конца, проникающего внутрь живой материи, и все это из-за чертова Леллямера, который уже давно оскорбляет меня своими сексуальными намеками, а потом еще весна, все цветет, все воркует и поет, и куда-то во тьму зовет, вот я и иду за Леллямером.

И он возбужден, весь в предвкушении, и я, и все чего-то говорим, говорим, а солнце все еще светит, сирень с черемухой цветет, соловей поет, а я незаметно плюю Леллямеру в спину и чувствую от этого некоторое облегчение.

Если боком-боком, то всю землю можно быстро обойти, – говорит мне Леллямер, весело подмигивая у стен женского общежития. Было уже поздно и темно, и повсюду загорались фонари на столбах.

И сколько их будет?! – спрашиваю я смущенно.

Две, как и договаривались, – беззаботно махнул рукой Леллямер, – тебе одна и мне одна! Твоя – черненькая, моя – беленькая!

А может наоборот? – спросил я, чувствуя нарастающее в сердце волнение.

Э, нет, – вздохнул Леллямер, – с беленькой я уже спал, ты ведь не будешь после меня...

Послушай, а может давай все это организуем как-нибудь в следующий раз, – занервничал я.

Как хочешь! Дело твое! – усмехнулся Леллямер. – Только я в любом случае останусь!

Я уже сильно разволновался и болтал всякую чепуху, каждую минуту хватаясь за Леллямера.

Да, успокойся ты, вон они уже идут, – заметил Леллямер.

И действительно, к нам выходили из общежития быстрым шагом две милovidные девушки в двух одинаковых синих плащах. Леллямер тут же познакомил нас, хотя я чуть было не сбежал, но он все время поддерживал меня за локоть как девушку, и при этом громко и как-то неестественно хохотал.

Моя черненькая Уля была даже помилее своей подруги. Она почти сразу смело взяла меня под руку и помахав ладошкой подруге с Леллямером, зачем-то потащила вглубь городского парка.

Там ведь комаров много, – сказал я ей, все более стесняясь.

Да ничего, – усмехнулась Уля, – мы, чай, не в Африке жи-

вем!

А причем здесь Африка-то?! – испуганно заикаясь, про-
бормотал я.

Ну, в Африке водятся эти самые, как их, ну эти...

Мухи це-це? – догадался я.

Во-во, – засмеялась Уля и неожиданно чмокнула меня
в щеку.

Не надо, здесь же люди ходят, – боязливо морщась, про-
шептал я, – и потом мы еще почти совсем не знакомы!

Да ладно тебе, чай, не растаешь?! – улыбнулась она.

Мне-то ничего, но обижать меня не надо, – уже серьезно
сдвинув брови, прошептал я.

Ах, Боже, – засмеялась она, – да ты, наверное, еще маль-
чик!

Ну конечно, я не девочка, – удивился я ее смеху.

Да я не в том смысле!

А в каком?! – уже сильнее занервничал я.

Да не важно, – прошептала она, уже в самом прямом
смысле прижимаясь ко мне.

Мы зашли уже далеко, и в густых зарослях сирени никого
не было.

В траву если лечь, никто не увидит, – прошептала она.

Она вся сырая и в росе, – недовольно пробормотал я.

А ты постели свой пиджак, – предложила она.

Ну, вот еще, охота мне свой костюм портить!

Да, ладно, я свой плащ постелю, – она действительно сня-

ла плащ и постелила на траву.

А это еще зачем?!

Да ты не бойся! – тихо засмеялась она.

Может, лучше пойдём отсюда?

Нет, давай лучше присядем сюда, а я тебе расскажу как сама стала женщиной.

Это, потеряла что ли девственность?

Ну, что-то вроде этого, – вздохнула она, и мы присели на ее плащ и она неторопливо начала свой рассказ.

Мне было семнадцать лет, когда я приехала сюда работать ткачихой на фабрике. Оказавшись в совсем незнакомом городе, я как-то быстро поддалась соблазну и уговорам старшей подруги Насти.

К нам в общежитие мужчины попадали как горные спасатели – скалолазы, поднимаясь по связанным узлами простынями наверх... Кто-то из них направлялся к своим женщинам а кто-то сразу ко всем... Таких легко было распознать по пьяной глупой улыбке... Иногда женщины сами, как на невольничьем рынке отбирали себе подходящих мужчин из поднявшихся. Так было и в этот день. День был жаркий, и от скуки я читала книгу Мопассана...

Пойдем мужика трахать?! – вбежала в комнату повеселевшая Настя.

А разве это можно? – покраснела я.

Пойдем в комнату к Ивановой Варьке, увидишь, – потянула меня за рукав Настя.

Я встала, возбужденная собственным любопытством и заразительным смехом Насти. У комнаты Вари Ивановой толпились девчата, сама Варя, самая крупная и сильная женщина во всем общежитии была внутри с мужчиной. Дверь была приоткрыта, и все сгрудились возле этой щели, внимательно наблюдая, как Варька стонет на привязанном к кровати мужике.

Кто это? – удивилась и густо покраснела я.

Да ты что не видишь, что мужик?! – засмеялась Настя так громко, а за ней и все остальные девчата...

Ой, бабоньки, да она у нас еще девочка, – поддержала общий смех пьяная Тамара.

Давайте ее первой пустим, после Варьки, – предложила Настя... Все одобрительно закивали головами и всего через каких-то десять минут меня втолкнули в комнату к привязанному к кровати мужику и закрыли дверь.

Не стесняйся, смотреть не будем, – похлопала меня по плечу по-мужски Варя Иванова.

Лежащему мужику было лет сорок, несколько оплывший и хмельной, он все же сохранил какую-то необъяснимую свежесть... Я стыдливо сняла с себя халат и легла на него.

Ты что так дрожишь? – удивился мужик.

Да девка я еще, – по-простому сказала я и положила свою головку на его волосатую грудь...

Во, едрить твою мать, уже девчонки молодые насилуют, – удивленно присвистнул мужик.

Не беспокойся, у меня все получится я уже сто раз видела, как это происходит, – засмеялась я, и приняв сидячее положение, раздвинула ноги.

Ай! – вскрикнула я и опустила вниз голову с распущенными волосами.

Да ты не бойся, все хорошо, – возбужденно зашептал мужчина.

Я улыбнулась ему сквозь слезы, прикусила губы и стала неистово изгибаться в причудливом танце Венеры... Теперь стонал и кусал свои губы мужчина... Дождавшись когда он умиротворенно затих, я осторожно поднялась с кровати и стала вытирать тряпкой натекшую кровь.

Развяжи меня, пожалуйста, – жалобно посмотрел на меня мужчина.

Ты что мужик, не знаешь здешних порядков, что ли? – усмехнулась я, и поцеловав его в щеку, вышла из комнаты.

Ну и как? – кинулась ко мне первой Настя.

Все хорошо, – краснея, улыбнулась я, и все дружно засмеялись.

Потом я была противна сама себе, – неожиданно грустно закончила Уля свой рассказ и внезапно повалила меня на свой плащ и стала торопливо раздевать.

Ульяна, но нам же потом стыдно будет, – взмолился я. – Ну, Ульяна, ну, прошу тебя, ну, не надо!

Я стал изо всех сил сопротивляться, и между нами завязалась борьба.

Дурачок, тебе же хорошо будет, – страстно шептала она, расстегивая мои брюки.

Ульяна, если это произойдет, то мы расстанемся с тобою навсегда, – уже по настоящему заплакал я.

Дурачок, дурачок, – шептала она и продолжала в каком-то яростном упоении срывать с меня одежду.

Потом внезапно она остановилась привстала и шепнула:

Подожди, я сейчас только поссать сбегая!

Она отошла от меня на несколько шагов и когда я услышал характерное журчание в кустах, тут же быстро поднял свою разбросанную впопыхах одежду, взял ее в зубы и пополз на четвереньках сквозь чащу притихшего парка назад, к выходу.

Она еще долго выкрикивала в темноте мое имя, но я продолжал уползать от нее, плача от злости сам на себя и на этот безумный мир. Как в бреду, я полз между кустов и деревьев, а когда дополз до реки, вдруг успокоился и закурил.

Мечтательно поглядывая на засыпающую реку в переливающихся огнях домов и фабрик, звезд и луны на небе я опять увидел образ улыбающейся Феи и даже протянул к ней свои руки, но она очень быстро исчезла, снова оставив во мне смутное ожидание нашей будущей встречи.

Если я ее воображаю, значит, она есть, – думал тогда я, странным образом осознавая реальность своей придуманной сказки...

К тому же ее лицо было таким туманным и призрачным,

что я его мог разглядеть в любой приглянувшейся мне женщине.

Глава 4. Баня. Леллямер, дед, Бог и устройство Вселенной

Сегодня опять шел дождь и падал мокрый снег. Леллямер с утра пораньше принял 100 грамм и отправился со мной в баню. Всю дорогу он вслух размышлял об устройстве Вселенной, а поэтому был очень хмур и задумчив.

Только оказавшись в парной, он взглянул на меня с улыбкой и тут же спросил, готов ли я ответить, почему сегодня в зимний день идет дождь?

Да, Богу жалко нас, вот он и плачет, – сладко потянулся дед, сидящей на верхней полке.

Ну, конечно, – отозвался снизу сухопарый мужчина с унылым лицом, – природу всю отравили, вот Боженька и плачет!

Постойте, постойте, – то ли удивился, то ли обрадовался их вмешательству Леллямер, – пусть он мне сначала ответит! – и Леллямер кивнул на меня.

Ну, как бы это сказать, – попытался задуматься я, все более смущаясь устремленных на меня взглядов парящихся мужиков.

Как думаешь, так и говори, – насупился дед с верхней полки.

А вы, дедуля, не мешайте, у нас серьезная, объективно-научная беседа, – сказал за меня Леллямер и стал с усердием

хлестать меня березовым веничком по спине.

Вот щас похлещу, кровь разойдется по телу, тогда мне и ответишь, – пояснил Леллямер.

Ну что, надумал?! – спросил меня уже в предбаннике Леллямер.

Честно говоря, даже не знаю, – смутился я.

Я тоже, – признался Леллямер. – Хотя, если призадуматься, разве это имеет для нас какое-нибудь значение.

Думаю, что нет, – согласился я.

А зря, – иронично усмехнулся Леллямер, — может от этого дождя со снегом зависит и Бог, устройство Вселенной, и вся наша судьба?!

Я молча отошел от Леллямера, потому что на нас все смотрели и слушали, а мне почему-то было стыдно.

И вообще мне кажется, что Бог чего-то не учел, создавая и нас, и всю Вселенную в целом, – задумался вслух Леллямер, открывая мне и себе по бутылке пива.

Ты, сынок, не богохульствуй, – прикрикнул на Леллямера дед, уже успевший натянуть на себя тельняшку.

А еще мне кажется, – продолжал свою речь Леллямер, не обращая внимания на деда, – что великая аномалия всего Божьего устройства состоит в его постоянном обмене – измене – отмене одного другим, из-за чего и весь Божий разум мгновенно превращается в бессмыслицу, отпущенную нам Творцом не иначе как во искупление наших же грехов, – Леллямер весьма артистично воздел свои руки вверх и дед

стоящий сзади него, ударил его мокрым веником по голове.

Не богохульствуй!

А еще я думаю, что Бог это не живое или какое-то бессмертное создание, а просто высшая целесообразность, которая владеет всеми структурами Вселенной, – договорил Леллямер, стряхивая со своей головы березовые листья и одновременно выпивая из бутылки пиво.

Извините, но это уже похоже на издевательство, – нахмурился дед и опять ударил Леллямера этим же веником по голове.

Все притихли и смотрели, что будет дальше.

Вот я и говорю, – засмеялся Леллямер, открывая себе еще бутылку пива, – что Бог это некая абстракция данная перед смертью в утешение.

Дед еще раз хлопнул веником Леллямера по голове, но уже молча.

Еще я думаю, что Бог исключает свой разум из нашей жизни и следит за человеком, как за подопытным кроликом! – Леллямер открывал уже третью бутылку пива, когда дед схватился за табурет.

Ну и что, – оглянулся на него равнодушно Леллямер, – каждый из нас верит, как может, а следовательно, каждый из нас имеет право на собственную веру. И никто не вправе кого-либо казнить за его веру! – крикнул в глаза изумленному деду Леллямер.

Дед выронил из левой руки табурет и вдруг обнял Лелля-

мера.

Вот за такие слова, дай я тебя всего расцелую! – обрадовался он и на самом деле расцеловал Леллямера.

Все добродушно рассмеялись, а потом мы снова пошли в парную. Дед стянул с себя тельняшку и кинулся следом.

– Все-таки без Бога нельзя! – сказал он, усаживаясь на полку.

Без Бога, действительно, ху*во, – согласился с дедом Леллямер, осаживая пар веником.

Да, мил человек, Богу как помолишься, так на душе сразу легчает, – заулыбался дед.

А если еще свечечку зажечь, да водки выпить, – мечтательно вздохнул Леллямер, хлеща себя веником по груди.

Да я без водки давно бы уже себе какое-нибудь хакари сделал, – признался дед, но Леллямер уже не слушая его, снова обратился ко мне:

Ну и что ты можешь сказать о Боге!

Конечно, он есть, – задумался я, —но только он вовсе не такой, каким мы его себе представляем.

А какой же он?! – вмешался дед.

А пес его знает, – усмехнулся Леллямер и вышел из парной, а следом за ним и мы.

Слушай, сынок, хочешь поллитры со мною, у меня в предбаннике сумка лежит, – предложил дед Леллямеру.

Ладно, обожди, щас только морду обмою, – и Леллямер намылил шампунем голову.

И ты тоже, – обратился ко мне дед.

А куда ему, на х**, без компании-то деваться, – засмеялся Леллямер. – Если только стрихнину какого не то наглотаться!

Или харакири какое не то сделать, – поддержал Леллямера громким смехом дед.

Я стоял рядом с ними и думал, ну вот, вроде, не глупые люди, рассуждали здесь о Боге, и об устройстве Вселенной, но стоило им заговорить о выпивке, как тут же потеряли свой разум и только думают, как бы побыстрее нажраться. Как будто после того, как они выжрут, сразу с ними случится что-то необыкновенное, и снег с дождем пропадет, и солнышко засияет, и бабы к ним красивые со всех сторон прибегут, телом своим прекрасным потчевать станут!

– Ну, ладно, пошли, – хихикнул Леллямер, трясая на деда мокрой головой.

В предбаннике, пока все одевались, мы как-то быстро выпили бутылку деда, а потом зашли в пивбар а там взяли и пива, и водки с раками, усевшись вместе в тихом углу за столом.

А от меня жена ушла, – неожиданно пожаловался Леллямеру дед. – И даже внука с собой забрала!

А на х** тебе внук?! – удивился Леллямер. – Ты что, матерью-одиночкой решил, что ли, заделаться?!

Да, нет, просто как-то обидно, – смутился дед, опустив вниз голову.

Поменьше надо напиваться, – мудро заметил Леллямер, – и не х** на бабку обижаться!

Да я не обижаюсь, – уже с обидой в голосе заметил дед, – я даже вчера пообещал ей бросить пить!

Да ну, – удивился Леллямер, —разве без водки можно?! Без денег даже можно, а без водки нельзя!

А у тебя деньги есть? – с надеждой спросил его дед.

Какие, на х**, деньги у рабочего человека, – гордо стуча себя кулаком в грудь, ответил Леллямер, —да еще к тому же у бедного студента?!

Это верно, – вздохнул дед, – а где бы еще их взять?!

С нами не пропадешь, – со смехом похлопал его по плечу Леллямер, – к ткачихам в общагу залезем, а там этой водки сколько душе угодно, пей, только не захлебнись! Моя Настя так и сказала, трахнешь с удовольствием – сразу литр поставлю!

А это, сынки, ничаво, что я такой старый, а то ведь у меня уже 100 лет ничаво не шевелится?! – хихикнул дед.

Ничаво, – передразнивая деда, ответил Леллямер, – они кого хошь расшевелят!

Дальнейший разговор закончился вместе с водкой и мы втроем пошли к общежитию текстильного комбината. Было уже поздно и холодно. Снег почти растаял, тусклый фонарь едва освещал площадку перед общежитием.

Леллямер резко свистнул, и тут же со второго этажа свесились простыни связанные узлами. Свои сумки Леллямер

с дедом тут же забросили в кусты.

А ты чего?! – спросил меня Леллямер.

А я вас здесь подожду, – шепнул я.

А может и мне не надо? – испугался дед. – Все-таки моя старуха только вчера ушла, а вдруг завтра вернется?!

А на х** тебе старуха, – усмехнулся Леллямер, —а потом у тебя что, от этого х** обломится, что ли?! Делов-то одна минута, а разговоров на целый час!

Ну ладно, – вздохнул дед, – я попробую, пусть только перед этим они стакан мне нальют!

И они полезли, а я остался их ждать. Простыни, как только они поднялись по ним, сразу же убрались, окошко закрылось. Сверху очень хорошо был слышен глупый бабий смех.

И зачем я здесь, – грустно подумал я, затем сплюнул и пошел своей дорогой.

В общежитие Леллямер вернулся только под утро.

Ну и как, – усмехнулся я, проснувшись, – изнасиловали вас там с дедом?

Со мной-то ничего, я ведь к Настене своей полез, я и деда хотел с собой взять, только этот старый хрен, как только сказал, что он, вроде, как ко всем, так они его сразу и сграба-стали! Теперь, боюсь, как бы его там не затраха-ли насмерть!

А ты в Бога веришь? – спросил я вдруг Леллямера.

Он, глядя на меня, разразился пьяным смехом и повалился на кровать, и долго еще смеялся, а я и в самом деле думал и о Боге, и об устройстве нашей жалкой Вселенной.

Глава 5. Пьяная женщина или Осыпав голову пеплом

Остерегайтесь не имеющих времени. Ложная занятость, прежде всего, указывает на неумение пользоваться сокровищем времени и пространства, – так написано в старинных индусских манускриптах, и именно таков Леллямер.

Он делает все, чтобы ничего не делать. Его невозможно привлечь к созиданию. Главное для него только водка и бабы! Он делает все, чтобы ублажить свое естество, но он бесплоден как вор чужого времени. Скупой на любой труд, он только выпивает и сношается. Это качество замещения труда ему необходимо для служения собственного сознания. Он устает думать и живет уже по инерции, как подопытная крыса, получающая удовольствие от электрического разряда посылаемого ей только в одну точку мозга, и точку, вызывающую только удовольствие!

Перечитывая большое количество книг, как по учебе, так и просто расширяющих кругозор, я все больше удалялся от Леллямера. Просто, я в своей духовной основе развивал свои знания, а Леллямер разрушал их, случайно и ошибочно потакал своим дурным наклонностям и прихотям, он был похож на игривое, но все же очень глупое животное!

Он бесплоден как вор чужого времени, а поэтому его следует, по возможности, исключить из своих жизненных построений! – думал я.

На рождественские каникулы многие разъехались по домам, и из всех наших знакомых остались в общежитии только мы с Леллямером, причем совсем одни и в одной комнате.

Я утра до вечера укреплял свою духовную основу, изучая латынь, старинные индусские манускрипты, и еще читал «Археологию» Джонса, а Леллямер целыми днями где-то шлялся, уже не приходя, а еле-еле приползая среди ночи почти в невменяемом состоянии.

Очень часто он спал крепко на полу, как собака, не снимая одежды и обуви и запах сильного перегара от него не исчезал даже под утро при открытой форточке...

Леллямер предлагал мне не раз, пойти с ним куда-нибудь погулять, выпить, с кем-нибудь познакомиться, но я только всячески отнекивался. Еще он пытался разговорить меня на любую тему, но я в ответ хранил явное молчание. Я молчал, потому что видел его невменяемость.

Если раньше мне были интересны его пошлые шутки, анекдоты, его заполненная ненормативной лексикой речь, то сейчас мне почему-то оскорбительно было слышать любой его разговор.

Мне казалось, что он нарочно затемняет мой взгляд притворным невежеством и смешливой простотой, чтобы затем приручить меня как животное, и чтобы с помощью меня как

животного убивать свое никчемное время.

Однако, иногда мне все же было жаль Леллямера, и я по-такал ему, играя с ним в карты в «буру» на деньги, и почти всегда проигрывал. Правда, ставки были не такие большие, и кроме всего прочего, Леллямер потом бежал за водкой и угощал меня.

Пить я особенно не хотел, но как говорится, в холоде даже собака греет!

Вот в этих самых древних манускриптах было написано, что поскольку людей на свете очень мало, то надо уметь ценить даже убогих приятелей и разрешать им иногда быть рядом с тобой, чтобы они совсем не одичали! Иными словами, я сам воспринимал Леллямера, как забавное животное, но с которым все равно надо держать ухо востро!

Самое скверное, что при всем своем добродушии, он издевался над моей невинностью, как над недостатком, и очень часто при посторонних женщинах, которых приводил в общежитие

Однажды я с ним даже подрался из-за этого, но после этой драки он, кажется, немного поутих, хотя побил не я его, а он меня.

Просто во время драки я глубоко задумался о том, что драку порождает человеческое невежество, а Леллямер воспользовался моей рассеянностью и очень легко меня нокаутировал!

Однако, благодаря своим раздумьям, я многое сумел по-

нять, прежде всего, свои же ошибки в общении со многими людьми, в том числе и с Леллямером.

Я понял, что все, что делает человек, не может быть разумным или справедливым, ибо все, что он делает, он делает для себя, а следовательно, и другие не могут претендовать на какую-то любовь с его стороны!

Почти такие же мысли я нашел в древних манускриптах, и вообще, никак не мог избавиться от впечатления, что нашу древность создавали наши современники. И главный тому пример, эта странная история, происшедшая со мной, с Леллямером и пьяной женщиной, которую он к нам привел!

Как-то Леллямер явился удивительно рано, почти трезвый и с одной пьяной женщиной. Я почти как всегда сидел за столом, и читал под настольной лампой «Археологию» Джонса, но все же на женщину внимание обратил.

Она была необычайно стройна и красива, и кажется, изрядно пьяна, во всяком случае, ее лицо было красным как зарево.

Взгляни, солнышко, какой у меня монашек сидит, – ехидно хохотнул Леллямер, поддерживая ее под локоть, и тут же куражась, ткнул меня указательным пальцем левой руки в спину.

Как, я уже говорил, я действительно сидел за столом у окна, под лампой и читал «Археологию» Джонса, может, поэтому, слова Леллямера меня нисколько не задели. К тому же эта женщина сама уже ничего не соображала, и вообще еле

стояла на ногах, мотая своей огненной рыжей головой с распущенными волосами в разные стороны и одновременно навистывая что-то похожее на Марш Мендельсона.

Видел, какую русалку привел? – подмигнул мне Леллямер и мягко подтолкнул женщину к своей кровати.

Она мгновенно рухнула на нее и растянулась во всю длину своего прекрасного тела, едва прикрытого шелковым платьем небесного цвета, и разбросав руки, быстро закрыла глаза. Леллямер едва не захлебнулся от смеха, он брал ее за руки, поднимал их и отпускал, и они тут же безвольно падали обратно.

Напилась как хрюшка! – подмигнул мне Леллямер, а затем с необыкновенной заботливостью укрыл ее накидным покрывалом и предложил мне выпить.

Может выпьешь со мной, да и с ней позабавишься! – хихикнул он, доставая из-за пазухи бутылку водки, но я отказался, увлекшись раскопками древних пирамид в Египте, где Джонс сделал несколько серьезных открытий. Тогда Леллямер стал пить один, насмешливо чокаясь с обложкой книги Джонса, которую я держал в своих руках.

Через полчаса он уже храпел одетым на моей кровати. Сумерки целиком заполнили комнату, настольная лампа вдруг перегорела, но я продолжал один сидеть в темноте. Я уже давно не мог читать эту проклятую «Археологию» не менее проклятого Джонса и думал только лишь об этой спящей женщине, которую привел с собой Леллямер... Как мне по-

казалось тогда, водка изрядно подорвала его здоровье и теперь он даже не мог или не хотел ничего делать с этой приглашенной сюда женщиной.

И зачем он тогда ее сюда привел?! – этот вопрос так серьезно расстроил мою психику, что я даже чуть не заплакал! Черт, так ведь можно и с ума сойти!

У меня от таких странных мыслей даже стала кружиться голова, когда вдруг я почувствовал, как эта пьяная женщина коснулась моей ноги своей рукой.

Иди ко мне, мой монашек, – шепнула она и потянула меня за ногу к себе.

А вдруг он проснется, – шепнул я в страхе, едва осознавая, что я сам говорю и делаю.

Дурачок, разве любви бояться?! – ее шепот как будто проник мне в самое сердце.

Но он же будет сердиться, – прошептал я как в бреду.

Дурачок, я же тебя люблю! – теперь ее шепот окунул меня в ее тело.

Она легко освободилась от платья, как змея сбросила свою кожу и тут же жадно укусила мои губы. И хотя мне было больно, я все же смолчал. Потом ее умелые руки быстро расстегнули молнию на моих брюках, и так же неслышно сбросили их с меня.

Хотя я так был взволнован, что ничего не слышал кроме громких ударов собственного сердца. Казалось, еще чуть-чуть, и сердце мое разорвется от бури, которая закружила

меня в нежных складках ее обезумевшего тела.

Потом она неожиданно спросила:

Верю ли я в ад?

Ад, частица моей души, мой невидимый костер внутри пустующего мира, ее взгляд живущий суеверным страхом, и что-то еще безумное и сладострастное во всех изгибах ее обнаженного тела, уводящего меня от своего же пугающего сознания...

Ее бездна обхватывала меня всеми краями трепещущей плоти. Тишина, извергнутая нашими стонами, тишина лишенная всякого зренья, жила во мне как напоминание о времени безжалостно уходящем вместе с нами в одну Вечность. Вот она жажда – найти хоть какую-нибудь Любовь!

...Душа, стареющая от собственного непонимания... содрогается от этой быстрой сумасшедшей связи. Словно во сне я овладевал ею, или она мной, и это повторялось много, много раз, кажется, что всю ночь она овладевала мной, возбуждая своими страстными поцелуями.

Потом мы молча лежали и курили, и каждый думал о своем. Леллямер поблизости храпел как больной пес, казалось, его носоглотка готова была разорваться от приступов какого-то несогласия со своим немощным телом.

Через какую-то минуту она гладила мои волосы и несколько раз задавала шепотом один и тот же вопрос:

Тебе было хорошо со мной?

Я осторожно кивал головой, а сердце сжимала все та же

тоска, странное ощущение моей стареющей Вечности...

Я даже не помню, как заснул... Проснулся я от ужасного крика Леллямера:

Какая же, ты, все-таки скотина?! – ругался он, стоя передо мной в одних трусах.

Женщины со мною в постели уже не было, и судя по часам, был полдень.

В чем дело?! – спросил я, все еще никак до конца не проснувшись.

Как в чем дело?! – горько усмехнулся он. – Да я просто поспорил с этой бабой, что она никак не совратит тебя, монашек хренов! И спорил-то на целый ящик водки! А ты... – Леллямер не договорив, махнул рукой и стал быстро одеваться, а я в это время лежал в каком-то диком оцепенении, на его грязной кровати, со стиснутыми зубами, я был похож на раненого умирающего зверя, и глядел в одну только черную точку на белом потолке...

Как будто в ней была заключена вся наша ничтожность, а из глаз моих текли слезы, но я не всхлипывал, а просто оплакивал свою утраченную невинность и наивность, которыми раньше было заполнено все мое детство, а еще как всякий еврей, я хотел осыпать свою голову пеплом.

Глава 6. Откровения безумной бизнес-леди

Очень печально, когда тебя предают, тем более печально, когда тебя предают за ящик водки.

Леллямер и раньше мне казался не совсем нормальным человеком, но теперь я определенно считал его психом, и вообще, этот случай перевернул всю мою жизнь.

Все началось с рождественских каникул, когда Леллямер привел сюда пьяную Иду, именно так звали ту самую женщину, которая соблазнила меня за ящик водки... Впрочем, после той бурной ночи, проведенной со мной, она неожиданно отказалась от ящика водки, и мало того снова напросилась к нам в гости. Я тогда еще не придавал этому особого значения! Итак, она пришла к нам воскресным вечером и принесла с собой три бутылки водки и много всякой закуски. Вечер проходил вроде бы благопристойно. Мы посидели, выпили, Ида с Леллямером болтали на разные темы, все больше о кино и о музыке.

Оказалось, Ида сильно увлечена фильмами Бунюэля и музыкой Вивальди... Леллямер что-то говорил об американских боевиках и «тяжелом металле».

Один я напряженно молчал. В это время я думал, зачем она сюда снова пришла. Неужели ей не хватило одной ночи

со мной и еще думал, спал ли с ней Леллямер.

Потом Ида два раза заставляла Леллямера включить музыку и одновременно сходить на кухню и проверить как варится кофе, а сама приглашала меня танцевать.

В этот момент, когда Леллямер уходил, Ида жадно набрасывалась на меня, и целовала то в губы, то в шею, я же отталкивал ее изо всех сил, хотя она была немного сильнее, и ее объятия становились все крепче.

Остальной вечер прошел как наваждение. За столом Ида пересела ближе ко мне и засунула свою руку под столом между моих ног. Из-за странного нервного припадка я смеялся как заводная механическая кукла, но Леллямер ничего не замечал! И как-то льстиво и подобострастно улыбался Иде, по-видимому, в благодарность за принесенную водку.

После этого вечера Ида стала чаще приходить к нам в гости, и каждый раз, с ее приходом, я испытывал ужасное мучительное расстройство из-за своего бессилия и постоянных унижений. Леллямер просто боготворил Иду, он уже не глядел на меня, когда Ида была у нас, и надолго уходил, оставляя Иду вдвоем со мной, якобы по каким-то срочным делам.

Оставаясь наедине с Идой в нашей комнате, я как мог, сопротивлялся, но Ида всякий раз силой овладевала мной. Я пытался кричать, но она зажимала мой рот поцелуем, а когда я ее кусал, она впивалась в меня еще безумнее и еще сильнее, а когда она трогала языком мое ухо, я уже не мог вообще сопротивляться. Я уже плакал от унижения, и от счастья

этого унижения, а потом это унижение внезапно превращалось в наслаждение, а она все глубже втягивала меня в свою пещеру! И я проваливался в нее как в наваждение!

Постепенно вся моя жизнь превратилась в какой-то кошмар! Я боялся Иду и не боялся ее, я хотел Иду и тут же хотел сбежать от нее, я вообще запутался, как муха в паутине, в ее ласковом и нежном теле! Что-то надо было делать, но я не знал, что! Я уже боялся самого себя!

Однажды я не выдержал, и все рассказал Леллямеру, но он как-то неопределенно заулыбался и что-то промычал в ответ.

Постепенно наши встречи с Идой участились, а Леллямер уже явно поощрял страстную привязанность Иды ко мне.

Конечно, Ида успокаивала меня и говорила, что считает брак самой уродливой формой половых взаимоотношений между партнерами, но мне от этого было не легче. Во всем я видел какой-то рок, какую-то неумолимую стихию, которая безжалостно обрушивалась на меня, и теперь с позором смывала с лица последние остатки моего застенчивого разума!

Я уже про себя решил съехать куда-нибудь с общежития, раствориться-испариться в этом большом городе, чтоб больше никогда не видеть Иды, но эта хитрая и коварная женщина неожиданно соблазнила меня своим богатством! Как все это произошло? – Очень просто!

Был почти такой же вечер, когда я, Леллямер и Ида сидели в нашей комнате за столом и как всегда пили водку,

но мне неожиданно захотелось спать, и я даже не заметил как быстро уснул. Оказывается, Ида договорилась с Леллямером подсыпать мне в стакан с водкой сильно действующее снотворное средство, а потом Леллямер оставил нас вдвоем. Когда Леллямер ушел, Ида тут же позвонила своему секьюриту, а через несколько минут меня спящего бросили к Иде в ее серебристый «Форд» на заднее сиденье, а через час я уже раздетый лежал на огромной кровати в ее спальне, в загородном особняке.

Очнулся я в каком-то бреду, Ида уже в который раз овладевала моим слабым и беззащитным телом. Я хотел закричать, но крик застывал в моем горле от удивления, вызванного незнакомыми стенами, почти сплошь состоящими из свещающегося горного хрусталя с небольшими вкраплениями бирюзовых камней. Сверху над нами горела люстра из белого матового стекла в виде змеи глотающей свой собственный хвост. Так продолжалось около часа, около часа Ида насилывала меня, по-своему возбуждала мое несчастное тело.

Когда она наконец удовлетворилась, она накинула на себя легкий пеньюар и закурила, присев на край кровати, и только после этого заговорила со мной:

Может я бы никогда и не стала холодной самкой, рыскающей в дебрях разврата, если бы моя судьба не сложилась так нелепо, и все же удачно! – улыбнулась Ида, стряхивая пепел с сигареты в стоящую рядом древнегреческую амфору с изображением нимф, целующих Посейдона.

Будучи еще совсем молоденькой девочкой лет семнадцати, я вдруг вышла замуж за богатого еврея, которому было далеко уже за семьдесят! Буквально через год после торжественного бракосочетания мой Абрам скончался, оставив мне и этот особняк на берегу Москвы-реки, и несколько фирм, специализирующихся на продаже недвижимости и производстве паркета, и других стройматериалов.

Неожиданно я фыркнул.

Я скучно рассказываю?! – обиделась Ида.

Нисколько, – прошептал я.

К счастью, родственники Абрама большей частью вымерли, – продолжала она свой рассказ, – а последний живой племянник покинул Россию еще лет 10 назад, уехав в Америку! Прекрасная жизнь, отличная выпивка и абсолютная свобода, заполненная многомиллионным состоянием моего покойного мужа, который целый год меня без конца насиловал, как хотел, и унижал, пробудили во мне исключительно звериные инстинкты.

Я опять фыркнул, и даже случайно хохотнул.

Тебе смешно?! – обиженно вздохнула Ида.

Да нет, вроде, – уже осмелев, заговорил я.

В общем, я стала богатой и свободной женщиной. Я завела себе множество любовников, ездила во многие заграничные турне, и как-то раз попробовала даже марихуану! Однако, постепенно я осознала всю глубину своего несчастья! Те самые деньги, которые зримо создавали для меня всевозмож-

ные блага, которыми я так отчаянно пользовалась, вдруг создали между мной и целым миром гнусную преграду, через которую я никак не могла прорваться! И если раньше из-за денег я повисала на грязном и вонючем старике, то теперь, из-за этих же самых денег, на мне повисали молодые и симпатичные парни!

Я фыркнул и даже нечаянно пукнул.

Это мерзко, да? – крикнула Ида с негодованием.

Нет, это печально, – вздохнул я, и сел, подперев подбородок рукой.

О, если бы этот старик не умер, то я бы точно сошла с ума! А может быть отравила его какой-нибудь гадостью! И все-таки, Бог есть! Он исполнил мое самое заветное желание! Но потом... – на некоторое время она замолчала и с нежностью потрогала мой член рукой.

Я отнял руку от подбородка и глядел на нее с некоторым удивлением, впрочем оно быстро прошло, как только она отняла от меня свою руку и дальше продолжала свой рассказ.

А потом со мной что-то произошло, я вдруг поняла, что у меня не должно быть так много мужчин, что в своем великом множестве они мне напоминают только похотливых обезьян, такие же волосатые и примитивные! Нет, право, мой друг, если к вам приглядеться, то вы действительно произошли от какой-то дикой обезьяны.

Я фыркнул и даже немного полаял:

Гав! Гав!

Ты обижаешься?! – смутилась Ида.

В ответ я только мяукнул:

Мяу!

О, а как вы любите унижать нас, женщин, это же уму непостижимо! Если б ты только знал, сколько я уволила водителей, которые пытались залезть мне под юбку! Один из них в день своего увольнения даже осмелился дать мне пощечину, но, правда, поплатился, бедный, своими вставными зубами!

Я фыркнул и даже плюнул, сумев точно попасть в горло амфоры с Посейдоном и целующимися нимфами.

Ты его жалеешь? – Ида пристально взглянула мне в глаза.

В ответ я захрюкал, как свинья:

Хрю! Хрю! Хрю!

А потом я решила избавиться от своего одиночества с помощью объявления в газете! Я поместила объявление о том, что мне нужен красивый юноша, и чтобы он обязательно был девственником! Просто я захотела своего избранника сделать мужчиной сама!

Я едва фыркнул и заржал по лошадиному.

Я тебя обидела? – прошептала она.

Но я только отрицательно замотал головой.

Да, я решила, что сама сделаю из юноши мужчину, а потом озолочу и навсегда сделаю своим мужем!

Иными словами, ты захотела купить себе мужа, – прошептал я.

А почему бы и нет?! – усмехнулась она.

Постепенно на мое объявление откликнулось изрядное количество молодых мужчин. К сожалению, все они были старше семнадцати лет, и это меня не устраивало. К тому же, никто из них не был девственником. Они только неумело притворялись! Вот сволочи, совершенно ни капельки стыда! Правда! Один из них так притворился, что я чуть ему не поверила!

Я заухал по свиному, сложив пальцы вокруг глаз колечками, изображая очки.

Ты думаешь, я была слепа?! Ну что ж, вполне возможно! Ведь я совсем недавно стала богатой и свободной, а это, как я уже успела заметить, часто лишает нас разума!

Ням! Ням! – причмокнул я, изображая процесс поедания.

Ты просто бесподобен! – хихикнула Ида и чмокнула меня в щеку.

Ням! Ням! – снова причмокнул я.

А потом по объявлению встретила Леллямера! Нет, с ним я не спала! На семнадцать лет он явно не тянул! Больно стар! И оказалось, что и ему этого вовсе не надо! Он просто предложил мне найти девственника за ящик водки! Мне было так смешно, что я согласилась! Потом мы выпили, сначала за знакомство, следом за удачу и моего будущего мальчика! Леллямер сильно запьянел и неожиданно поспорил со мной на тот же ящик водки, что я не сумею сразу же за одну ночь соблазнить этого мальчика! И если не соблазню, то от-

дам ему ящик водки, но вынуждена буду отказаться от этого мальчика навсегда!

Я согласилась! А потом я уже отрезвела от своего богатства и почти уже отказалась от своего нелепого желания соблазнить невинного мальчика, чтобы сделать его своим мужем! И все же Леллямер меня заинтриговал, описав тебя как скромного монашка, эдакого недотрогу! – хихикнула Ида, теребя пальцами свои разбросанные в разные стороны красные волосы.

Теперь своими губами я изображал громкое пердение.

Какой ты смешной! – засмеялась она и страстно поцеловала меня в губы. – А теперь, – хитро улыбнулась она, – я решила действительно сделать тебя своим мужем! Ты согласен?!

Даже не знаю, – страдальческим голосом пробормотал я, – просто я очень хотел бы...

Ну, что?! Говори! – с нетерпением выкрикнула она.

Я бы хотел сходить в туалет, – страдальческим голосом прошептал я.

Хорошо, – усмехнулась Ида, и взяв меня за руку проводила в туалет...

Туалет напоминал внутренность какой-то странной, едва освещенной пещеры. Отовсюду свисали сталактиты, сталагмиты, даже унитаз напоминал формой круглый валун, на котором было очень удобно сидеть. Выйдя из туалета, я увидел Иду уже одетой в яркое красное платье, с которого отовсюду

свисали крошечные золотые капельки, а волосы были перевязаны золотистыми лентами, изображающими переплетенных между собой змей.

Ну, как?! Ты согласен?! – выкрикнула она, сложив ладони у себя на груди, возле выреза платья.

Я бы хотел сначала закончить свой институт, – пробормотал я, краснея, – а потом мне как-то неудобно тебя обременять!

Обременять?! – изумилась она. – Да у тебя больше не будет никаких проблем, и институт свой окончишь, и от армии освободишься, и куда захочешь поедешь, и что захочешь сделаешь!

Вот в том-то все и дело, – вздохнул я, – все-таки с проблемами жить как-то легче! А потом, не привык я к таким особенностям, мне бы квартиру попроще, чайку с кипятильником в банке и все такое!

Какой же ты все-таки дурачина! – Ида подошла ко мне и тут же обвила мою шею руками, быстро целуя в губы и проныкая языком, будто жалом вовнутрь...

Тебе нужно это, зачем?! – прошептал я, краснея.

А затем, что я тебя съем! – захохотала она и снова прижалась ко мне всем телом.

Глава 7. ...Почему я не набил морду Леллямеру или Рассказ Ивана Матвеевича о своем подвиге

На следующее утро Ида на своем серебристом «Форде» довезла меня до родного общежития. Мы с ней договорились, что она дает мне еще одну неделю подумать. Как только я вышел из машины, так сразу кинулся бегом в мою комнату. Первым моим желанием было поймать Леллямера и набить ему морду! Я бы, наверное, так и сделал, но только наша комната оказалась пустой.

Тогда я вышел из общежития и сразу же встретил того самого деда, с которым пили в бане водку, потом в пивбаре и с которым Леллямер забрался по простыням к ткачихам.

Эх, родной! – засмеялся от радости дед, увидев меня, и тут же обнял. – А я вот к вам в гости! Леллямеру бутылку несусь!

А его нет, – пробормотал я, отступая подальше от деда.

Слушай, сынок, ты что, меня не помнишь? – обиделся дед. – Я же Иван Матвеевич, я же вместе с вами в общагу к девкам лазал!

Это вы не со мной лазали, – передразнил я Ивана Матвеевича, – это вы с Леллямером лазали!

Да-да, с Леллямером! – от воспоминаний дед даже про-

слезился.

Тут, видишь, какая оказия-то, – доверительно зашептал он мне на ухо, – у меня ведь с бабами-то, с ткачихами все получилось! Вот странно, у нас со старухой уж несколько лет ничего не получалось, а с ткачихами сразу и много, много раз!

И много-много радости детишкам принесла! – пропел я и хихикнул.

Во-во, – похвалил меня дед за пение. – Много радостей! А где Леллямер-то?

А пес его знает, – и я вздохнул, опуская вниз глаза.

Он тебя, что, обидел?! – усмехнулся Иван Матвеевич.

Что, значит, обидел? – усмехнулся я, ковыряясь носком ботинка в сугробе.

А что я не вижу, что у тебя такая морда недовольная?! – насупился Иван Матвеевич, позвякивая за пазухой бутылкой.

А причем здесь моя морда!

Как причем, когда любая неприятность только на морде и пишется! – добродушно пояснил Иван Матвеевич.

Да, нет, Иван Матвеевич, Леллямер меня никогда не обижал, – посмотрел я прямо в глаза Ивану Матвеевичу.

И все-таки ты, паря, что-то не договариваешь, видно, не доверяешь ты мне! Ну, да, ладно!

Неожиданно из-за кустов вышел пьяный, покачивающийся от дуновения ветра, Леллямер.

О чем речь?! – громко засмеялся он, и приобняв сначала меня, потом Ивана Матвеевича, поцеловал нас обоих в губы...

Тьфу ты, сладострастник, – беззлобно сплюнул Иван Матвеевич, утирая губы рукавом.

Так о чем речь, может, с кем лечь, – схватил Ивана Матвеевича за бороду Леллямер.

Слушай, я ведь и врезать могу! – рассердился Иван Матвеевич. —

Ну, ну, давай, вмажь мне как следует! – с лукавой смешинкой прищурился Леллямер. – Покажи, батя, как ты ненавидишь нашего брата, еврея.

Да, ну тебя, какой ты к черту еврей! – замахал руками Иван Матвеевич.

А вот и еврей! – засмеялся Леллямер и снова полез целоваться с Иваном Матвеевичем.

Ах ты, жидовская морда! – рассердился Иван Матвеевич и пнул Леллямера ногой в живот.

Леллямер покачнулся и упал в сугроб. И лежал, закрыв глаза, и не вставая.

Неужто убил?! – перекрестился с испугу Иван Матвеевич. А может и нет! – засмеялся из сугроба Леллямер.

Ах, ты, сукин сын, что ж ты так пугаешь-то, – сплюнул в сердцах Иван Матвеевич.

Да, ладно тебе, батя, – нежно прошептал Леллямер, встав в сугробе, —мы же тобой пили и к бабам ходили? А ты

меня по фэйсу!

Так я тебя и не бил вовсе, – заспорил Иван Матвеевич, – так, толкнул маленько для понимания!

Да, понимание – вещь серьезная, – согласился Леллямер, уже окончательно поднявшись и отряхиваясь от снега.

Так я и говорю, что за это надо выпить! – и дед радостно достал бутылку из-за пазухи.

И не раз выпить! – кивнул Леллямер, доставая тоже из-за пазухи бутылку с водкой.

И еще! – поддержал я их, вытаскивая из своего кармана только кукиш, и все весело рассмеялись.

Ай – да в общагу! – громко скомандовал Леллямер, и мы все вместе пошли в общагу.

А меня туда впустят? – шепнул перед входом в общежитие дед.

Впустят, если дашь письменное обязательство не портить наших студенток! – с задумчивым видом прошептал Леллямер.

Дам! Обязательно дам! – горячо заверил Леллямера Иван Матвеевич.

На вахте в своей старой кроличьей шубе сидела баба Клава, пьющая литрами чай со слоном и до сих пор читающая газету «Правда».

А где у вас тут расписку дают?! – с ходу огорошил ее Иван Матвеевич.

Какую еще расписку?! – насупилась баба Клава.

Ну, чтоб студенток не портить, – объяснил ей Иван Матвеевич.

Ах, ты, старый хрен! – вознегодовала баба Клава, ударяя его по плечу кружкой с чаем, который весь вылился ему на серую куртку и на бороду.

Да, ладно, бабка, я пошутил! – крикнул Иван Матвеевич и бегом припустился за нами с Леллямером вверх по лестнице, и в то время как Леллямер хохотал, я от души сочувствовал Ивану Матвеевичу.

Разве так можно шутить?! – беспокойно щурился Иван Матвеевич на Леллямера, ставя бутылку водки на стол.

Ну, ладно тебе, Матвеевич, ну с кем не бывает! – едва сдерживая себя от смеха, говорил Леллямер, тоже ставя свою бутылку на стол.

Не знаю, с кем там, и чего не бывает, но закуски у нас кот наплакал, – сказал я, доставая из шкафа засохшую корочку хлеба.

Я шас, я мигом! – крикнул Леллямер и убежал.

Вот, черт оглашенный, – пропыхтел Иван Матвеевич усаживаясь за стол и разглядывая этикетки на бутылках.

Иван Матвеевич, а расскажите, что там было в общежитии, когда вы с Леллямером по простыням полезли?!

Эх, паря, – покачал головой Иван Матвеевич, – бабы на тебя бросаются как с голодухи, успевай только одежду сымать, чтоб не порвали!

Неужто там оргии такие устраивают?! – удивился я.

А иногда заберется на тебя какая-нибудь взбешенная целочка, так потом целый час отойти никак не можешь, а бабы на тебя все лезут и лезут, как тараканы, – почесал себе бороду Иван Матвеевич, – отойти все никак не можешь, а тебя все дерут и дерут! Как кота помойного! Хотя должно-то быть все наоборот, это мужики обязаны бабами командовать! Во – как природа людишек извратила, или они ее? Это уж дело философов разбираться, почему это бабы очень на мужиков стали похожи! И почему они и к доменной печи, и в космос бросаются!

И стригутся коротко, и брюки носят! – поддержал я мысль Ивана Матвеевича.

И водку пьют, и курят как мужики! – с досадой поморщился Иван Матвеевич.

И бреются, как мужики! – добавил я.

Эка тебя занесло! – засмеялся Иван Матвеевич.

Ну, ноги свои бреют, – пояснил я.

И что на самом деле бреют? – изумился Иван Матвеевич.

Бреют! Бреют! – засмеялся Леллямер, входящий в комнату с холщовой сумкой и двумя студентками.

Знакомьтесь, это Тоня, а это Соня! – кивнул Леллямер на двух маленьких шатенок в очках, только Тоня была тоньше, а Соня потолще.

Ну-с, выпьем за счастье Муз! – провозгласил Леллямер, доставая из сумки бутылку шампанского, связку колбасы и банку сардин с хлебом.

Иван Матвеевич, – кашлянул для вежливости в кулак Иван Матвеевич и замолчал как рыба, только помаргивая застенчиво глазами.

Тоня и Соня подсели с двух сторон к Ивану Матвеевичу. Я их знал, поскольку они учились вместе с Леллямером. Леллямер иногда отдавался им за деньги или за конспекты лекций, которые они потом для него переписывали ровным почерком.

Как говорил Леллямер, пусть они не красавицы, зато они очень добрые и покладистые!

Пить мне не хотелось, но, глядя на снег падающий густыми хлопьями за окном, я присоединился к их компании. Только чтобы не напиться, я поставил себе под ноги пустую банку, куда потихоньку сливал шампанское с водкой.

Между прочим, перед вами сидит великий поэт! – кивнул в сторону Ивана Матвеича Леллямер.

Ой, как интересно! – заулыбались Тоня с Соней.

Кх, кх, – закашлялся Иван Матвеевич и исподтишка, за столом показал Леллямеру кулак.

Он только стеснительный немного, – засмеялся Леллямер, выпивая еще стакан водки, и ни с кем не чокаясь.

Ой, а прочитайте нам ваши стихи! – попросила Тоня.

Если можно, самые поздние, – присоединилась к ее просьбе Соня.

Выйди пьяненьким в чистенько поле.

Всю ночь проваляйся, мозги охлади,

Очисти организм свой от алкоголя

И обязательно счастье найди!

– неожиданно процитировал себя Иван Матвеевич, по его счастливой морде было понятно, что он их придумал только что.

Ай, да Матвейч, ай, да, сукин сын! – похвалил Ивана Матвеевича Леллямер.

Тоня с Соней с двух сторон поцеловали Ивана Матвеевича, отчего его глаза тут же увлажнились, и все сразу выпили за его талант.

Ближе к вечеру мы сбегали с Леллямером еще за одной бутылкой, но дверь нашей комнаты была закрыта, а за дверью слышались девичьи повизгивания и яростное сопение Ивана Матвеевича.

Вот старый козел, а обещал здесь никого не портить, – усмехнулся Леллямер и распечатав бутылку, стал пить прямо из горлышка.

Неожиданно мне тоже захотелось обругать Ивана Матвеевича но увидев, что Леллямер дает мне в руки бутылку, я тоже отпил, и почувствовал странное облегчение, будто все о чем я думал в последние дни, и даже история с Идой, вдруг свалилось с моих плеч. Я поглядел на Леллямера, он на меня, и мы легко рассмеялись, а потом присели на подоконник и закурили.

Ну, как там поживает бизнес-леди?! – спросил меня Леллямер.

Как всегда, парадоксально, – улыбнулся я.

У нас в России все бабы парадоксальны, – заговорил Леллямер, – куда ни глянь, везде одно торжество плоти над разумом!

Или разума над плотью, – усмехнулся я.

Или фигни над фигней, – Леллямер еще раз отпил из бутылки и опять постучал в дверь.

Сейчас, сейчас, – слышался за дверью торопливый шепот Сони и дверь открылась, и мы зашли.

Иван Матвеевич восседал за столом в одних трусах и майке, а по бокам около него сидели раскрасневшиеся Соня и Тоня, успевшие наспех одеться.

Итак, уважаемый, советую говорить мне только правду, – обратился Леллямер к Ивану Матвеевичу, – итак, почему вы без брюк?!

Видите ли, – закашлялся Иван Матвеевич, – я привык ходить по дому без брюк, а ваша комната для меня как дом родной!

Все-таки советую хорошо подумать над моим вопросом, – Леллямер опять отпил из бутылки.

Да, мне как захочется, так я всегда без брюк! – заулыбался Иван Матвеевич.

И чего захочется?! – безумно заморгал глазами Леллямер.

Ну, милый, ну, единственный, – Соня и Тоня мигом отлипли от Ивана Матвеевича, и обступив Леллямера, стали поглаживать его руками по спине.

Ты бы уж так не нервничал, – сочувственно взглянул на него Иван Матвеевич, – ведь ничего такого не случилось!

Хотите, я ему набью морду, – спросил Леллямер у Тони с Соней, но они что-то стали шептать ему, каждая в свое ухо, и Леллямер тут же успокоился и даже пожал руку Ивану Матвеевичу в знак примирения.

Мы снова сели за стол и допили оставшуюся водку, а потом Ивана Матвеевича сильно развезло, и он приобняв с двух сторон Тоню и Соню, сказал:

А сейчас я вам расскажу, как меня пытали за границей! Я тогда моряком был, по разным морям плавал, и вот как-то в Гамбурге мы были, и зашли в какую-то пивную с ребятами, посидели, выпили, а потом я за какой-то бабой белокурой увязался.

Иду уже под утро, а ноги еле волочатся. Я ей «фрау, фрау», а она как шмяк меня сумкой по голове, так я и откинулся возле какого-то дома.

Тут просыпаюсь, гляжу по сторонам, а я уже не на улице, а в какой-то тюрьме лежу! Там еще немец какой-то сидел. Но я по ихнему ничего не понимаю! Я ему что-нибудь скажу, а он ни бэ, ни мэ, абсолютный осел попался! Ну, я тогда в дверь начал ногами долбить, чтобы, значит, освободили, а то ведь скоро корабль наш отчалит из этого Гамбурга, и тогда все, пиши письма мелким почерком!

Ну, потом меня повели куда-то на допрос, в другое помещение, там меня связали и стали мучить, загоняя иголки

прямо под ногти, а переводчик ихний и говорит:

Скажешь пароль, отпустэм на ваш кэрабль!

Ну, я им гадам крикнул:

Хер вам, а не пароль!

Тогда ихний главный начальник ткнул в меня пальцем и сказал:

Это есть ихней гэрой!

А вы как думали?! – усмехнулся я.

Тогда маленький узкоглазый заместитель ихнего начальника что-то шепнул на ихнем, и они оба вышли из камеры. Вскоре всего меня развязали, все иголки из-под ногтей повытаскивали, и даже помыли, и поставили на довольствие.

Это как? – спросил Леллямер, успевший оторвать от Ивана Матвеевича Соню и усадить ее к себе на колени.

Как! Как! – недовольно пробурчал Иван Матвеевич, – завели в хорошую такую комнатку с красивым диванчиком и небольшим круглым столиком. На нем водок, шнапса ихнего и закусок, просто завались, глаза разбегаются. Ну, я сразу догадался, спойть хотят гады, только ничего у них не получится.

Иван Матвеевич сделал небольшую паузу и сидящую рядом с ним Тоню по примеру Леллямера тоже усадил к себе на колени.

А что дальше? – спросили мы.

А дальше, сел я на ихний диванчик, сижу, думаю обо всем, да все что-то мне как-то скучно. Ну, думаю, раз вод-

ка, шнапс есть, то чего мне на нее глядеть-то? Ну и выпил я полстаканчика, потом еще и еще.

А тут еще ко мне в комнату ту самую белокурую стерву пустили, за которой я из кабака увязался. Ну, она и мне, и себе тоже наливает ихненького шнапса, чокается и говорит:

Вы есть русской шпиен!

А сама пьет и смеется, стерва такая! И титьки из платья вытаскивает, мол смотри, какие красивые титьки у меня! Ну, думаю, черт побери! Какая блядь красивая, да и шнапс ихний уж сильно забористый оказался, – глупо заулыбался Иван Матвеевич, прижимая к себе Тоню. – Ну, и стал я ее целовать, – свои слова Иван Матвеевич наглядно продемонстрировал на Тоне, – целую, значит, и туда, и сюда, а она, дрянь такая, шепчет мне на ухо:

Вы мне сказать ваш пароль!

Да хер с ним, – говорю, и раздеваю уже ее, – Иван Матвеевич попытался даже для наглядности раздеть Тоню, но та ударила его по рукам, – а она все смеется и повторяет мне:

Хэр с ним, хэр с ним!

Счас, – говорю, – узнаешь, какой хер со мной! Рубаху с себя срываю, и ей влупил по самые яйца, так она, бедняжка, даже с дивана грохнулась! Потом как только очнулась, так сразу и заохала и заахала:

О-я-я, я забывать ваш пароль!

Да хер с ним, – машу ей рукой, а эта дура радостно мне

улыбается, и опять повторяет:

Хэр с ним! Хэр с ним!

Однако, самое ужасное, что пароль у наших был именно такой, а поэтому у нас были завалены сразу три явочные квартиры! – глухо вздохнул Иван Матвеевич.

А откуда узнали? – спросил Леллямер.

Откуда, откуда, – недовольно проворчал Иван Матвеевич, – меня же после этого сразу на берег списали! А так по-честности, я же ни в чем и не виноватый, ведь я к разведке сызмальства никакого отношения не имел!

И все сразу засмеялись, но когда Леллямер снова побежал за бутылкой, я спустился в читальный зал, положил на стол руки, голову на руки, и уснул.

Глава 8. Охота на кабанов

Всю ночь мне снились кошмары о том, как я превратился в кабана, и за мной по лесу бегал Иван Матвеевич, причем от страха я срал у каждого куста, и по этим самым кучкам Иван Матвеевич определял мой дальнейший путь. Проснулся я от громкого баса Ивана Матвеевича.

Вставай, соня, – тормозил меня за плечо Иван Матвеевич, – а то охоту проспичь!

Я еле открыл глаза и с большим трудом вспомнил, как Леллямер с Иваном Матвеевичем разбудили меня вчера вечером в читальном зале и уговорили поехать с ними в деревню, куда уехала его бабка с внуком, чтобы сходить на охоту, на кабанов, и что они даже для остроты ощущений и Тоню с Соней взяли с собой, и вспомнил, как мы ехали на такси.

Иван Матвеевич с Леллямером, и Тоня с Соней пристроились на заднем сиденье, а я сидел с водителем на переднем сиденье. Причем водитель всю дорогу смеялся, угощал меня сигаретами и называл то пятым колесом в телеге, то запаской.

А я ехал с ними и думал:

И зачем я, дурак такой с ними еду, к черту на кулички, к черту на рога?!

Вспомнил я также, что деньги на поездку давали Тоня с Соней, а подбивал всех поехать Леллямер.

Случайно узнав у Ивана Матвеевича, что у него есть дом в деревне, куда уехала его бабка с внуком, самогонки целая бочка, два тульских ружья с винтовой нарезкой, да кабанов в лесу целая стая, Леллямер возликовал. Он больше всех кричал и говорил, что это будет праздник, что они Ивана Матвеевича помирят с бабкой, что кабанов настреляют целую тучу, и что вообще на земле будет рай!

Однако, говорилось это в сильном подпитии, когда все кажется легко и просто, а в это похмельное утро все выглядели страшно уставшими с необычайно тупыми и печальными мордами.

Для конспирации Тоня лежала со мной в одной кровати, и даже во сне обнимала меня, Леллямер лежал с Соней на соседней кровати, и тоже в обнимку.

Теперь-то я понял наконец, раскусил всю озабоченность и торопливость Ивана Матвеевича. Он был ужасно сердит и взволнован всей этой мудреной конспирацией. И как будто в подтверждение моих мыслей, Ивана Матвеевича из своей комнаты тут же окликнула бабка:

Да, не буди их, старый черт! Молодые устали ведь с дороги, пусть поспят!

А охота! – озабоченно отозвался Иван Матвеевич.

Да, нужна им твоя охота, – проворчала бабка, и Иван Матвеевич переминаясь с ноги на ногу, нехотя поплелся обратно к бабке, закрывая за собой дверь.

Тоня проснулась и неожиданно прильнула ко мне с по-

целуем. Я пытался сопротивляться, но сил у меня никаких не было. На соседней койке проснувшийся Леллямер с Соней тоже беспокойно завозились под одеялом.

Суки, сукины дети, – тревожно шептал под дверью проснувшийся Иван Матвеевич, но тут же окликаемый бабушкой, опять семенил к печке.

Ну что ты к молодым пристал, они спать хотят! – ворчала бабушка.

Так на охоту же вроде бы пора! – рассеянно отвечал Иван Матвеевич.

Да, какая, к черту, охота, щас метель на дворе, – не унималась бабушка.

Метель, метель, – озабоченно вздыхал Иван Матвеевич, – будь она неладна!

И опять заходил по дому, половицы под ним скрипят, под нами пружины звенят, и так все утро, под ним половицы, под нами пружины...

Наконец, мы все-таки встали и кое-как умылись из навесного умывальника за печкой. Бабушка Маланья, жена Ивана Матвеевича, уже накрывала для нас стол.

Дымящаяся из печки, из чугунка картошка, соленые огурчики, грибочки, толсто нарезанное сало и здоровенная -шестилитровая бутылка с мутным самогоном.

За столом Тоня села со мной, а Соня с Леллямером, а Иван Матвеевич с бабушкой Маланьей на другом конце стола.

– А где ваш внук?! – спросил Леллямер.

Да он со вчерашнего дня к зазнобе своей в соседнюю деревню, на лыжах укатил, – улыбнулась бабка Маланья.

И где его там черти носят? – недовольно проворчал Иван Матвеевич.

Да, ты, старый, сегодня что-то не в духе, – заметила бабка Маланья.

Так охота же срывается, – вздохнул Иван Матвеевич, бросая на нас страдальческие взгляды.

Ничего, Матвеевич, мы здесь переночуем еще, а глядишь завтра и развеется метель-то, – заулыбался Лелямер, поднимая свой стакан, – так что выпьем за охоту!

Все выпили, закусили, потом опять выпили. У меня перед глазами все поплыло. Тоня с Соней тоже быстро запьянели и вроде как для конспирации кинулись целовать нас с Леллямером за столом. А Иван Матвеевич еще сильнее хмурил брови и пил самогонку с таким видом, будто собирался на тот свет, а Тоня с Соней иногда смеялись и нахально поглядывали на него.

Да, что это с тобой?! – удивлялась бабка.

Да, ничего со мной! – огрызался Иван Матвеевич и пил самогон уже ничем не закусывая, но и нисколько не хмелея.

Что-то вы, Иван Матвеевич, не закусываете?! – со смехом заметила Тоня.

Да, дед, ты уж поешь маленько, – забеспокоилась Маланья.

Чего-то мне больше ничего и не хочется, – вздохнул Иван

Матвеевич, и мутным взглядом обведя весь стол, рухнул с табурета.

Вот, так всегда, – всплеснула руками бабка Маланья, — как нажрется, так сразу и валится как колода!

Мы быстро встали все, и приподняв Ивана Матвеевича, отнесли на кровать.

Эх, голубочки мои сизокрылые, – разревелся вдруг Иван Матвеевич, главным образом глядя на Тоню с Соней, – ой, пропадете вы без меня, деточки родные!

Чего это он?! – встревожилась Маланья.

Пьяный дед, пьяный бред, – констатировал Леллямер и, схватив ушат с холодной водой, окатил им Ивана Матвеевича.

Все! Идем на охоту! Идем на кабанов! – бодро крикнул Иван Матвеевич, тут же вскочив с кровати и быстро переодеваясь в сухое белье.

Так метель же на дворе, – запричитала Маланья.

Метель, метель, туды ее в качель, – Иван Матвеевич вытащил из-под кровати ружья с патронами и надел валенки с ватником.

Мы пьяные, радостные и возбужденные кличем Ивана Матвеевича, тоже стали одеваться.

На охоту! На охоту! На кабанов! На кабанов! – повторяли мы друг за другом, и как только все оделись, тронулись в путь, сопровождаемые плаксивым голосом Маланьи и бодрым пьяным басом Ивана Матвеевича.

Увязая по колено в снегу, и мало обращая внимания на разгулявшуюся метель, мы шли друг за другом, взбодренные радостью охоты как малые дети.

Через час мы оказались в лесу. Метель уже утихла. Иван Матвеевич обвешанный ружьями и патронами, как партизан, продолжал идти вперед, вселяя в нас и оптимизм, и уверенность в удаче. Однако очень скоро стало смеркаться.

Матвеич! Пора, наверное, домой! – попытался остановить его Леллямер.

– Наша цель – кабаны! Наше счастье – их нежное мясо! – затарабанил как по-писанному Иван Матвеевич, и тут мы все вдруг поняли, что все время шагали, увязая по колено в снегу, за пьяным дураком, и хмель с нас тут же слетел, ибо темень разрасталась вокруг нас с необыкновенной скоростью.

Сукин сын! – заорал Леллямер.

Пьяный осел! – завизжала Соня.

Дубина стоеросовая! – стуча зубами от холода, прошептала Тоня.

Иван Матвеевич мигом протрезвел, и стал перед нами извиняться:

Ребята! Простите! Бес попутал! Ну, с кем не бывает!

Тоня с Соней обняли друг друга и заревели в один голос.

Да, замолчите вы, дуры! – закричал на них Леллямер. – У меня зажигалка есть, будем свои следы ею освещать и по ним назад из леса выбираться!

Все сразу притихли и теперь уже, ободряемые радостью

возвращения, пошли за Леллямером. Иван Матвеевич как сильно провинившийся плелся позади всех. Через несколько минут зажигалка Леллямера окончательно погасла. Бабы опять завыли, Матвейч опять стал оправдываться, а Леллямер опять стал кричать на него.

Подождите, у меня тоже есть зажигалка, – сказал я, нащупав у себя в кармане зажигалку.

Так что же ты молчал, – возмутился Леллямер, а за ним и все остальные.

Только сейчас нашел, – сказал я, и чтобы побыстрее прекратить всякие бессмысленные крики и повизгивания нашей честной компании, пошел впереди всех, освещая зажигалкой наши следы.

Все мигом затихли и пошли следом. Вскоре мы вышли из леса и увидели огоньки домов знакомой нам деревушки, и все разом заорали: «Ура!»

И было в этом «Ура!» что-то необычайно торжественное, объединяющее нас как осознание нашей же общей победы. И мы все обнялись, рассмеялись и расцеловались! Больше всех обнимал и целовал Тоню с Соней Иван Матвеевич, но нам с Леллямером было все равно весело...

Озаренные волшебным светом деревни, как светом познания бесчисленных свойств нашей земли, мы шли вместе, как дети, которые уже наигрались в войну и теперь хотели только мира...

Мы шли и видели эти огоньки как отсветы наших безум-

ных надежд. Приблизившись к своему дому, Иван Матвеевич вдруг расплакался и мы все его стали утешать...

Бабка Маланья как и при нашем уходе опять встретила нас своими причитаньями. Выглядело это так, бабка причитала, Иван Матвеевич рыдал, все пытались что-то сказать, как-то утешить, и только крепкий самогон успокоил наши несчастные души.

Я едва помню, как дополз до кровати, как пьяная Тоня опять прилегла ко мне, и навалившись на меня всем телом дыша перегаром шепнула:

Давай, Матвеичу назло соединимся!

И опять наша кровать зазвенела пружинами, а вскоре и соседняя кровать, кровать Леллямера и Сони, отозвалась дружественным звончатым переливом, и даже пьяный Иван Матвеевич притаившийся за дверь, уже злобно не шептал, что мы суки, а только сморкался и всхлипывал, и опять причитала жалостливым голоском бабка Маланья:

Ну, что, старый, на молодых, что ль, потянуло?!

На молодых! – соглашался, всхлипывая, Иван Матвеевич. – На молодых! Ядреный корень!

А где-то пели петухи и земля казалась очень круглой...

Глава 9. В объятьях волшебного чудовища

Через день, очень рано утром ко мне в общежитие пришла Ида. Она вошла без стука. Дверь была открыта. Увидев, что кровать Леллямера пуста, она ловко, через голову сбросила с себя платье и легла ко мне, страстно постанывая. Каково же было ее удивление, когда она со мной под одеялом у стенки увидела Тоню.

Что за дрянь здесь дрыхнет с моим мужем?! – зарычала она.

Извините, я, кажется, ошиблась номером, – застенчиво прошептала Тоня, вставая с постели.

Ты, что, зараза, думаешь, я дура?! – дико взревела Ида и молниеносно набросилась на Тоню.

Я впервые видел как дрались женщины, они сцепились как две безумных кошки. Клубок из двух тел стал кататься по полу, задевая и ломая все на своем пути, даже кровать Леллямера не выдержала их отчаянного натиска, и сложилась в виде треугольника с острым углом.

Услышав за дверью беспокойное шарканье валенок нашей вахтерши бабы Клавы, я тут же бросился к двери и закрыл ее на задвижку, и взмолился шепотом, чтобы они перестали из-за меня драться, поскольку, мол, я недостоин всего этого,

но они меня не слышали, и так же самоупоенно продолжали бить друг друга с умопомрачительной скоростью.

– Сейчас же прекратите! – чеканным эхом прокатился по коридору суровый окрик бабы Клавы, и в нашей комнате, и в предрассветных сумерках воцарилась полная тишина...

О, эта первозданная тишина, как я любил ее в начале детства, как я молился на нее и рылся в ней, ища лишь мудрого совета у людей, где спрятано таинственное место, ужель в прекрасном лоне матерей, которых ищем мы в девчонках по соседству...

Тишина длилась долго... Баба Клава много раз просила по-хорошему открыть ей дверь, потом много раз обещала вызвать милицию, а когда и это не помогло, несколько раз ударила в дверь кулаком и проворчав на прощанье, что мы еще от нее очень много узнаем и получим, ушла обратно своей шаркающей походкой.

Еще некоторое время тишина порхала по комнате, она дразняще шевелила коробочки наших мозгов, оставаясь в пределах абсолютной недосыгаемости...

И я, и женщины оставались совершенно неподвижны, хотя я остро чувствовал в этой неподвижности яростное биение собственного пульса, и неумолимое рождение мыслей.

Тем более, глядя на их окровавленные морды, мне хотелось им сказать, что вы делаете, неужели вам мало мужиков на земле?!

Но вместо этого погладил их обеих по головкам, а они су-

дорожно всхлипывая, подползли ко мне на четвереньках, как собачки, и дружно с обеих сторон обняли меня за ноги.

О чем они плакали, и чего они от меня хотели?! Я поглядел на них и сам расплакался, потому что моей любви не было, как и прекрасной Волшебницы из моего воображения, нигде ее в реальном мире не существовало!

Прости меня, – неожиданно всхлипывая, прошептала Ида.

И ты меня тоже прости, – чуть слышно прошептала Тоня. Ну, уж дудки, прощать вас, – подумал я, а вслух сказал: Да, за что мне вас прощать-то?! Вы же никого не убили, никого не зарезали! Подумаешь, вахтершу напугали!

Дурак! – прошипела Ида.

Придурок! – процедила Тоня.

Да, что вы от меня хотите-то, в конце концов? – возмутился я. – Да к тому же, сразу вдвоем?

И тут они стали совещаться, кому из них со мной остаться! Как будто я покорное животное, скотина какая-нибудь безмозглая!

Ну, уж, дудки! – сказал я и стал одеваться, чтобы из комнаты убраться.

Я уже оделся и вроде бы, как побежал, когда они одновременно вдвоем стащили с себя свои белоснежные трусики, как ни странно, но они были в почти одинаковых трусиках, как будто сам черт их повязал, и пошли на меня, как солдаты в атаку!

А если я не хочу! – выкрикнул я.

Не бойся, мы без оружия! – улыбнулась Ида и обняла меня. Тоня прижалась ко мне сзади, и по моему телу забегали сказочные мурашки...

Когда мы втроем оказались в одной узкой кровати, дверь открылась и в комнату вошел пьяный Леллямер.

Эка, брат, тебя разнесло, – усмехнулся он, оглядывая наши три головы, улыбающиеся ему из-под одеяла. Потом он присел на свою кровать, и так мы с минуту, молча разглядывали друг друга.

Ну что, братцы, кажется, наше общее состояние улучшается, – почему-то шепотом заговорил Леллямер, развязывая у себя на шее галстук.

Подите, пожалуйста, вон, – почему-то шепотом ответила ему Ида.

Извините, но такой радости я доставить вам никак не могу, все же я здесь живу и даже ночью иногда, – Леллямер закинул ногу на ногу и стал ей нервно покачивать. Его взгляд постоянно сверлил то меня, то Иду с Тоней.

А, почему вы, собственно говоря, не уходите? – спросила Ида.

Ага, – удовлетворенно зевнул Леллямер, – вас это уже беспокоит!

И его тон, и поведение, показались мне очень странными впрочем, я знал за ним привычку, будучи во хмелю, совершать самые невероятные глупости, например, однажды но-

чью прямо с крыши нашего общежития он умудрился обоссать нашего профессора Цикенбаума, поздно возвращавшегося от одной студентки домой.

Итак, почему вас так беспокоит мое присутствие? – спрашивал Иду Леллямер, а сам беспокойно вертел головой, и курил, пуская колечки дыма в нашу сторону.

Ну скажите, почему я не могу находиться в своей комнате?!

Выдь на минутку, мудака! – прикрикнула на него Тоня.

Ну вот, – обрадовался Леллямер, вставая, – так сразу бы и сказали! А то, пожалуйста, пожалуйста вон! – и тихо на-свистывая, вышел из комнаты.

Ида с Тоней быстро встали и оделись, а я продолжал лежать на кровати, словно пытаюсь что-то припомнить. С одной стороны меня мучил стыд, а с другой меня радовало само безумие окружавших меня людей.

Тебе бы тоже не мешало одеться, – заметила Ида.

А зачем? – удивился я или попытался изобразить удивление на своей расстроенной морде.

Потому что мы едем ко мне, – объяснила Ида.

А мне бы вроде на лекцию пора, – взглянул я на часы.

Нет, ты поедешь с нами, – взглянула на меня Ида, и этого взгляда было для меня достаточно, чтобы и я с головой окунулся в этот безумный мир, и стал лихорадочно одеваться.

Как же все-таки хочется иногда нажраться и дать кому-нибудь в морду, – говорил уже у серебристого «Форда», провожавший нас Леллямер.

Снег неподвижным покровом лежал вокруг нас, а солнце едва светило из-за множества серых туч. Студенты бежали на учебу, они смеялись и что-то говорили, иногда я видел вполне знакомые лица, но все они от меня были далеки.

– И куда я еду, и зачем?! – спрашивал я себя. – Неужели, чтобы доставить удовольствие этой ненасытной бизнес-леди? И почему она вдруг пожелала разделить свое удовольствие вместе с Тоней?

Мы сели в «Форд» и поехали, а я дорогой все задавал себе вопросы, хотя, сидя на переднем сиденье, рядом с Идой, ощущал ее шевелящуюся руку у себя между ног и страстный язычок Тони, вползающий сбоку в мое несчастное ухо. И в то время как они трогали меня, получая свою долю удовольствия, я прилип всей задницей к сиденью и думал, почему я просто не могу раствориться в воздухе от их прикосновений?! Не так ли мы все умираем, просто растворяясь в нем, как в бесконечном море, где любое прикосновение приближает час твоей смерти?!

Странно я только почувствовал себя мужчиной, а уже во многом разочаровался... Отчего это?! Почему? Кто ответит?

Вскоре показался краснокирпичный 3-х этажный особняк с длинной глухой оградой из кирпича и железных щитов. Мы въехали через железные ворота.

Несколько женщин в черных куртках обступили со всех сторон выходящую из машины Иду, и мне подумалось тогда,

что здесь какая-то своя, совершенно другая, может быть даже нереальная жизнь.

Тоня, как и я, робко вышла из машины. Неожиданно женщины схватили ее за руки и куда-то увели по аллее парка, растущего возле особняка.

Куда они ее повели?! – спросил я, тревожно вздыхая, у Иды.

Они повели ее помыться в сауну, – засмеялась она, и ее бодрый смех меня вроде бы успокоил.

А что будем делать мы? – спросил я.

Сейчас узнаешь! – она взяла меня за руку и повела с собой.

Сначала мы зашли в особняк, потом стали по лестнице спускаться куда-то под землю. Тускло освещенная лестница, покрытая черным ковром, внушала какой-то необъяснимый страх.

Ты меня ведешь в преисподнюю, – попытался я пошутить.

Нет, мой дорогой, я тебя веду в ад, – засмеялась Ида.

Потом мы зашли в ярко освещенную комнату с огромной кроватью в половину комнаты и большим количеством кожаных плеток, висящих вдоль стен.

Ты что, садомазохистка?! – пробормотал я и тут же получил резкий удар хлыстом по спине.

Оглянувшись, я увидел, что Ида стоит передо мной уже совершенно голая, но обутая в длинные черные ботфорты.

Да, больно же! – заорал я.

Обращаю твое внимание, что ты мужчина, а не баба, а поэтому веди себя достойно! – и Ида снова огрела меня хлыстом. На этот раз я смолчал, пытаюсь своей глупой улыбкой разжалобить Иду.

А теперь дурачок ты встанешь на четвереньки и будешь лизать это место, – Ида ткнула себя пальцем в лобок.

Ни за что, – прошептал я и пятась от нее, попытался открыть дверь, но она была заперта.

Я снова оглянулся, Ида приближалась ко мне с идиотской ухмылкой, размахивая перед моим носом своим хлыстом. И тут меня осенило, я быстро сорвал со стены другой хлыст и тут же его конец обрушил ей на плечи.

А на вот, получай, стерва! – и с торжествующей усмешкой огрел Иду по голым ягодицам.

Ах, еще, мой светлый повелитель, – прошептала она, одновременно улыбаясь и плача, —еще и еще!

Тогда я ударил ее со всего размаха.

Ой, – вскрикнула Ида, отскочив сразу к кровати, но я не давая ей опомниться, кинулся следом, и снова огрел ее плетью, теперь по ногам.

Ой не надо! Мне уже больно! – закричала Ида, извиваясь всем телом на кровати.

Ну, и как ты себя чувствуешь?! Прекрасно?! – злорадно улыбнулся я.

Не очень, – всхлипнула Ида, закрыв лицо ладонями.

Тогда отодвинься в тот угол и сиди себе тихо, – кивнул я

головой, – и не разговаривай со мной, не мешай мне думать, и вообще веди себя так, как будто тебя не существует!

А можно я погляжу на тебя и немножко помастурбирую! – Ида отняла ладони от лица и теперь безумно улыбалась.

Да, делай, что хочешь, только меня не трогай, – я устало вздохнул и прилег на кровать, не выпуская из рук хлыста.

Правда, вид голой мастурбирующей Иды в черных ботфортах, стоящей рядом и раскинув ноги на ширине плеч, постепенно возбудил меня, отчего я даже привстал с кровати.

– Ну, дорогой, ну, давай реализуемся, – томно закатывая глаза, прошептала Ида, – ну, что ты ждешь, дурачок?!

– Никакой я не дурачок, я сам по себе, – взволнованно прошептал я, уже поднявшись с кровати и сделав свой шаг к безумной Иде.

Ее влажное лоно готово было уже принять меня в себя, когда я вдруг услышал сзади громкий, конвульсивно содрогающийся хохот и оглянулся.

Давай, давай, трахни ее, дружок! – в темном проеме, из-за приоткрытой двери, на меня глядело и смеялось ужасно изуродованное женское лицо, со множеством глубоких шрамов и с такими же огненно-красными волосами, как у Иды.

Пусть издевается на здоровье, – шепнула мне на ухо Ида, – это моя сестра Клара, с тех пор как ее лицо изуродовал ураган, она превратилась в юродивую!

И что же она будет все время здесь, и смотреть на нас?!

Не обращай внимания, – шепнула Ида, уже прильнувшая

ко мне, и я неожиданно почувствовал, как поддаюсь чарам этой безумной женщины, и как она быстро овладевает всем моим телом.

Ну, право же, живем ведь только раз, – улыбнулась Ида и поцеловала меня в губы, и со мною сразу произошло чудо, я ощутил как моя душа извергается в нее, и потрясенный этим, застонал от наслаждения...

Потом мы лежали на кровати и молча обнимали друг друга.

Между прочим, она уже не одну и не две сотни мужиков здесь перетрахала, – послышалось из-за двери вкрадчивое хихиканье Клары. Было очевидно, что она теперь стыдилась показывать нам свое изуродованное лицо.

Ах, если бы это длилось вечно, – прошептала Ида, словно не замечая или не слыша хохота Клары, и я тоже почувствовал, что ничего не слышу, кроме чудного голоса Иды.

Ты словно выстрелом стрелы пронзил меня, и я теперь вся кровью истекаю! – я как замороженный, слушал ее, и со сладкой мукой прижимался щекой к ее теплой груди.

Через несколько минут в комнату стремительно ворвались двое женщин в черных куртках с огненно-рыжими волосами как у сестер. Они тут же схватили меня, подняли с кровати и потащили за собой неизвестно куда... Я отбивался и плакал, я пытался защитить себя и свою Иду, и навсегда остаться с ней, но женщины не слушали меня и умело заломав мне руки за спину, тащили за собой.

Ида тоже кричала и плакала, будто она была моей матерью, у которой меня отняли прямо от ее груди.

Он даже не попил моего молочка! – кричала она, кусая за руки женщин, но те ловко вытаскивали из комнаты упирающегося меня, и отталкивали Иду ногами.

Я пытался вырваться, но тщетно, женщины были, видно, специально обучены и обладали колоссальной силой, во всяком случае, когда я упал на лестнице, чтобы никуда не идти, одна из них подняла меня и понесла перед собой на двух вытянутых руках.

Через минуту они меня абсолютно голого и совершенно обессиленного затащили в одну комнату, на самом верхнем, третьем этаже. За столом сидела, одетая в черное платье Клара. Меня эти женщины усадили перед ней в кресло, и тут же ушли, словно растворившись в воздухе.

Ну-с, что же вы теперь мне скажете, – хитро улыбнулась Клара. Из-за ее уродливого лица, испещренного шрамами, улыбка казалась более страшной и зловещей.

Кажется, я не хочу жить, – честно признался я.

В мои планы это не входит, – усмехнулась Клара и неожиданно плюнула мне в лицо.

За что?! – удивился я.

За то, что ты трахал мою сестру! – в подтверждение своих слов Клара бросила на стол цветную фотографию 20x30 см, на которой я овладевал Идой.

Да, но, Ида любит меня, и она сама меня соблазнила, и во-

обще я не понимаю о чем речь, – сказал я, прикрывая руками свое причинное место.

Клара задумалась с какой-то странной и ни на что не похожей тоской или грустью, еще она притрагивалась своими пальчиками к шрамам на лице и плакала.

А ты не поблагодарил Всевышнего за то, что он позволил тебе глядеть на этот мир через свое прекрасное лицо?! – Клара печально улыбнулась мне, вытирая слезы рукавом.

О, Господи, – вздохнул я, – лицо – это же просто маска, и для любого нормального человека оно не имеет никакого значения!

Никакого значения?! – вскрикнула Клара, разрывая на мелкие клочки ту самую фотографию, на которой были мы с Идой.

Да, любой человек любит другого человека не из-за его лица, а из-за его души, ну, конечно и тела, но все же, лицо это не главное. Ведь недаром же в народе говорят: с лица не воду пить!

А ты бы мог меня полюбить? – неожиданно прошептала Клара, прижимая руки к шрамам на лице.

А ради чего? – опешил я.

А ради меня самой! – она улыбалась и плакала, и глядела на меня очень внимательно, все ее тело было напряжено, а руки сжимали подлокотники черного кожаного кресла. Только сейчас мне бросилось в глаза сочетание серо-красных тонов в этой комнате: серые стены, красные шторы

на окнах и черная мебель, будто хранящие траур по прекрасному и навсегда утраченному лицу Клары.

Но я же, вроде как, люблю Иду, и она меня тоже, кажется, любит, – прошептал я, уже поеживаясь от некоторого холода.

Чушь! Она тебя нисколько не любит! – громко усмехнулась Ида. – Ида готова лечь под любого мужчину! Она совершенно помешанная на сексуальной почве, в конце концов она просто садомазохистка, или ты не видел ее набора плеток, висящих в ее спальне?

Но это же поддается лечению! – улыбнулся я.

Нет! Не поддается! – Клара собрала обрывки нашего фото, соединив их между собой, как мозаику уже другого потустороннего мира.

А почему ты хочешь, чтоб я тебя полюбил? – спросил я и сразу покраснел.

Может потому, что я ни во что уже не верю, – грустно прошептала мне Клара и показала мне запястья рук в глубоких порезах. – Я уже пыталась уйти отсюда, но эта дрянь, Ида, спасла меня, иногда меня спасали наши охранницы, хотя, какое это имеет значение! Вот ты лучше посмотри в мое изуродованное лицо, и скажи, сколько мне лет?

Не знаю, – честно признался я, – хотя по другим частям тела видно, что ты еще очень молодая.

Другим частям?! – горько усмехнулась Клара. – Что ж, пусть будет так!

А ты пробовала делать себе пластическую операцию?

Бесполезно, – вздохнула Клара, – шрамы слишком глубокие, и потом мне уже делали несколько операций, но от этого я не стала выглядеть лучше! А потом я от всего этого уже устала и стала противна сама себе! Хочешь посмотреть, какая я была до урагана?

Да, – кивнул я головой, и Клара протянула мне небольшую черно-белую фотографию, с нее на меня глядела прелестная девушка лет семнадцати, с завитыми локонами и в старинном платье, стоящая возле пальмы на берегу моря.

И сколько этой фотографии лет?!

Этой фотографии два года, она была цветной, но после всего, что со мной произошло, я ее сделала черно-белой!

Почему?!

Потому что сейчас для меня одно только прошлое окрашено в сияющую ткань моей былой красоты. Я уже знаю, что меня никто не полюбит, но я все равно как будто верю в сказку, в своего волшебного принца, как будто он есть и храню ему верность! – от своих мыслей Клара даже рассмеялась, и несмотря на свое внешнее уродство, показалась мне очень интересной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.